

Федеральное агентство по образованию
Байкальский государственный университет экономики и права

Д.Я. Майдачевский

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ
От эпохи палеолита до XX века

Учебное пособие

2-е изд., перераб. и доп.

Иркутск
Издательство БГУЭП
2008

УДК 338 (100)(09)

ББК 65 я 7

М 14

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Рецензенты д-р ист. наук, проф. А.В. Шалак
д-р экон. наук, проф. М.П. Рачков

Майдачевский Д.Я.

М 14

История экономики: От эпохи палеолита до XX века:
учеб. пособие / Д.Я. Майдачевский. — 2-е изд., перераб. и
доп. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. — 136 с.

ISBN 978-5-7253-1706-0

Для студентов, аспирантов и магистрантов изучающих
экономическую историю, историю экономических учений и
экономическую теорию.

ББК 65 я 7

ISBN 978-5-7253-1706-0

© Майдачевский Д.Я., 2008

© Издательство БГУЭП, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. История экономики как наука.....	7
Глава 2. Экономика доисторических обществ.....	22
Глава 3. Экономика античных обществ	38
Глава 4. Экономика средневековой Европы.....	53
Глава 5. Генезис капиталистической экономики	83
Глава 6. Экономика Европы периода индустриального капитализма	110
Заключение	133

ВВЕДЕНИЕ

Написание истории — это составление связанного изложения того, как изменялись во времени некие аспекты человеческого существования. Подобное изложение существует только в человеческом сознании. Мы не воссоздаем прошлое; мы только составляем изложение событий, происходивших в прошлом. Чтобы это изложение было хорошей, настоящей историей, оно должно быть последовательным и логичным и не выходить за рамки имеющихся у нас свидетельств и имеющейся теории.

Дуглас Норт

*Лауреат Нобелевской премии
по экономике 1993 года*

Историю справедливо считают основой всего комплекса наук об обществе, поскольку она есть наука о развитии человеческого общества во всей его конкретности. В известном смысле любая область человеческой жизни (и экономика здесь не исключение) даже становится объектом изучения лишь с того момента, когда появляется возможность определения ее места в истории, выделения только ей присущих характеристик, отличающих ее от других исторически конкретных форм социальной организации людей.

К сожалению, историческое содержание практически отсутствует в современной экономической теории, которая рассматривает экономику статически, преимущественно в ее современном состоянии. Между тем, экономика находится в процессе постоянного изменения и развития. Современная нам экономика — есть не только результат длинного хода исторического развития, но и временный этап на пути ее дальнейшей эволюции. Этот «недостаток» экономической теории (который и сам возник в результате исторического развития этой науки и немало способствовал углублению нашего теоре-

тического знания об экономике) призвана компенсировать самостоятельная научная дисциплина — история экономики.

Изучаемая студентами, как правило, первого курса, дисциплина вынужденно носит «исторический» характер, поскольку опирается лишь на полученные в средней школе знания всеобщей истории. Она изучается параллельно с курсом экономической теории и не может в полной мере отталкиваться от базовых понятий экономической науки, зачастую даже тех, что вошли в экономический язык из исторической практики хозяйствования.

Особенность данного учебного издания состоит в последовательной реализации принципа «экономизации» дисциплины, что достигается, во-первых, путем постоянного абстрагирования от второстепенных, неэкономических аспектов изучаемой исторической действительности, истолкования исторических явлений и процессов под экономическим углом зрения — с этой точки зрения нас менее всего волнует полнота картины или создание тотальной хронологии исторических событий. Во-вторых, путем привлечения для целей изучения теорий, заимствованных, главным образом, из арсенала экономической науки. Акцент сделан на рассмотрении альтернативной неоклассике (главном течении современной экономической теории) институциональной теории (в самом широком ее понимании), в основе которой лежит анализ исторической динамики и преемственности экономических институтов, а также факторов — географических, демографических, технологических и др. — обуславливающих институциональные изменения.

Поскольку рассмотрение охватывает практически всю историю хозяйственного развития, изложению материала присущ значительный схематизм: приходится отвлекаться от многих важных деталей, а для выявления преобладающих тенденций — рисовать в значительной мере усредненную картину.

Цель пособия заключается в том, чтобы не только дать будущим экономистам набор знаний о многогранном опыте

хозяйственной деятельности на различных исторических этапах, но и привить навыки самостоятельного анализа, вооружив знанием основных историко-экономических концепций, подготовить к восприятию как теоретических, так и конкретных экономических дисциплин, внести вклад в подготовку современных специалистов с широким кругозором, высоким уровнем экономической культуры.

Каждая глава учебного пособия имеет типовую структуру. Основная часть материала посвящена изложению эмпирической истории экономики. С помощью специальных «вставок» студенты получают возможность познакомиться с основными историко-экономическими теориями, дающими объяснение изучаемым фактам и явлениям истории эмпирической, а также «услышать голос» классиков историко-экономической науки. Завершают главу перечень ключевых понятий, контрольные вопросы и литература, рекомендуемая для изучения данной темы.

Пособие было подготовлено и выпущено первым изданием при содействии НФПК— Национального фонда подготовки кадров в рамках программы «Совершенствование преподавания социально-экономических дисциплин в вузах» инновационного проекта развития образования.

История науки

Начало процессу формирования истории экономики как самостоятельной научной дисциплины было положено «исторической школой» немецкой политической экономии. Идеи, выдвинутые во второй половине XIX века В. Рошером (1817–1894), Б. Гильдебрандом (1812–1878), К. Книсом (1821–1898) и их многочисленными последователями, были реакцией на высокий уровень абстракции, присущий классической школе политической экономии, ее антиисторизм, отсутствие интереса к вопросам экономической динамики.

Появление работ названных экономистов способствовало утверждению исторического метода в экономическом анализе. Если следовать логике данного метода, повторение сходных явлений и процессов в экономической жизни позволяет говорить о существовании закономерностей. Путем тщательного изучения эмпирического материала, посредством внимательного наблюдения можно открыть эти закономерности в развитии экономики, которые повторяются в истории разных стран и народов в соответствующие (не всегда и везде одновременно протекающие) периоды их развития. Сторонники исторической школы попытались превратить политическую экономию в учение о законах экономического развития народов, которые (законы) рассматривались как обобщение исторического опыта их (народов) хозяйственного развития.

Подобное обобщение было возможно на основе историко-социологических изучений, которые могли бы установить повторяющиеся хозяйственные явления. Неотъемлемой частью исследований в этом случае становился поиск ступеней и периодов экономического развития. Установление таких

периодов было тем методологическим приемом, с помощью которого теоретик-экономист мог воспользоваться результатами работы историка. Широкое распространение получили разнообразные периодизации истории экономики, базирующиеся на кропотливых конкретно-исторических исследованиях представителей уже второго поколения, так называемой «новой исторической школы» (Г. Шмоллер (1838–1917), К. Бюхер (1847–1930), Л. Brentано (1844–1931) и др.)

Особого упоминания, в этой связи, заслуживают представители третьего поколения немецкой исторической школы, так называемого историко-социологического направления М. Вебер (1864–1920) и В. Зомбарт (1863–1941). И не только своими фундаментальными историко-экономическими трудами, но и попытками разработки теоретико-методологических основ этой науки, поиска для нее интеллектуальной ниши. В истории экономики, считали М. Вебер и В. Зомбарт, уместны два подхода: исторический, рассматривающий однократные, неповторяющиеся феномены, и социологический, интересующийся тем, что в истории повторялось, стало типическим. Благодаря усилиям этих ученых история экономики обрела убежище у социологической науки. Однако с позиций набиравшей силу неоклассической экономической теории история экономики потеряла свою «экономичность», стала частью либо экономической социологии, либо, если не претендовала на широкие обобщения, — истории.

Таким образом, хотя представителям исторической школы, как в Германии, так и в других европейских странах, не удалось решить главную свою задачу — создать новую политическую экономию, базирующуюся на иных, нежели у классической школы методологических основаниях, им принадлежит честь быть основоположниками новой научной дисциплины — истории экономики.

Оригинальностью постановки многих теоретических и методологических вопросов, касающихся новой науки, отличались на данном этапе развития науки работы отечественных историков-экономистов: В.Ф. Левитского (1854–1939),

И.М. Кулишера (1878–1933), П.П. Маслова (1867–1946), П.Б. Струве (1870–1944) и др.

На следующем этапе развития науки, поиск законов экономического развития уступил место, во-первых, поиску исторических фактов, необходимых для экономического анализа, а, во-вторых, использованию для анализа этих фактов экономических моделей (прежде всего статистических), созданных для количественных исследований текущей экономической деятельности. И то и другое было уже уделом историков. Взаимодействие этих тенденций обозначило становление «количественной экономической истории», этапа в развитии науки, охватившего практически всю первую половину XX века.

Указанные тенденции в течение всего этого периода определяли значительную часть спектра историко-экономических исследований. В Европе доминирующей была первая. Это отчетливо видно на примере «школы Анналов» (исследователей группировавшихся вокруг известного французского исторического журнала «Анналы экономической и социальной истории»). Ее представителям было свойственно как изучение массовых, повторяющихся, статистически наблюдаемых совокупностей экономических явлений (динамики заработной платы, цен и доходов) — Ф. Симиан (1873–1935), Э. Лябрусс (1895–1988), так и накопление большого количества ярких запоминающихся фактов истории экономики от систем денежного хозяйства до мелких деталей повседневного экономического быта людей — М. Блок (1886–1944), Л. Февр (1878–1956). Вершиной этой тенденции в развитии историко-экономической науки стал фундаментальный труд Ф. Броделя (1902–1985) «Материальная цивилизация, экономика и капитализм». Среди отечественных историков-экономистов укажем, прежде всего, на Н.А. Рожкова (1868–1927) и А.А. Кауфмана (1864–1919), стоявших у истоков данного научного направления в нашей стране.

В США, а позднее и в некоторых других странах, возобладавала вторая тенденция, которая к 1950–60-м годам офор-

милась в новое направление науки (третий этап развития науки) — «клиометрику» (это слово соединило в себе имя музы покровительницы истории в древнегреческой мифологии — Клио и суффикс «-метрик» из слова эконометрика). В этом варианте историко-экономическая наука перешла к изучению процессов экономического развития на основе использования неоклассической экономической теории, исторической статистики, экономико-математических методов анализа последней и построения моделей «несостоявшегося будущего» (контрфактических моделей). История экономики несколько десятилетий развивавшаяся усилиями историков вновь перешла из разряда исторических в разряд экономических наук, превратилась в «историческую экономику». Признанием этого факта можно считать присуждение в 1993 году Нобелевской премии в области экономических наук профессорам Чикагского университета Р. Фогелю (р. 1926) и Вашингтонского Д. Нортю (р. 1920) за крупные исследования в области экономической истории.

Уже одному из творцов «клиометрики» Д. Нортю были очевидны не только несомненные достоинства данного направления развития истории экономики, но и не менее серьезные его недостатки. К достоинствам можно отнести использование систематизированного корпуса теоретических идей (неоклассической теории) и применение высоко развитых количественных методов для разработки и проверки исторических моделей. Недостатки же сводятся, в конечном итоге, к невозможности произвести с помощью множества частных экономических теорий обобщений или анализа, которые вышли бы за рамки конкретного исторического сюжета.

Д. Нортю же был предложен один из путей преодоления указанного недостатка, связанный с включением в экономическую теорию и историю институционального анализа. Его работы положили начало современному этапу в развитии науки — новой институциональной экономической истории.

Прежде чем определить предмет истории экономики, необходимо уточнить смысл понятий объекта и предмета науки, между которыми нередко ставится знак равенства, вследствие чего, предмет истории экономики определяется через объект изучения этой научной дисциплины.

Под объектом науки, как правило, понимают определенную часть окружающей нас реальности, материального и нематериального мира, которая существует независимо от нашего знания о ней. Такой частью объективной действительности, а стало быть, и объектом изучения, выступает экономика, которую можно определить как процесс взаимодействия человека с окружающей его природной средой с целью приспособления вещества природы для удовлетворения своих потребностей.

Однако это определение нуждается в очень важном уточняющем дополнении. Человек является существом биосоциальным, т.е. взаимодействующим не только с природной, но и социальной средой. Иначе говоря, взаимодействуя с природой, человек вступает в многообразные связи, отношения с другими людьми. Система этих отношений или взаимодействий выступает объектом изучения целого комплекса социальных (от лат. *socialis* — общественный) и гуманитарных (от лат. *humanitas* — человеческая природа) дисциплин: социологии, политологии, антропологии, демографии, экономики, истории и др.

Поскольку отношения, складывающиеся в процессе производства, распределения, обмена и потребления являются лишь частью системы социальных отношений (а экономика — подсистемой общества), они выступают непосредственным объектом изучения только экономической науки, либо отдельных разделов других социальных и гуманитарных наук, что закрепляется в их названиях: экономическая социология, экономическая антропология, экономическая история и т.д. Исходя из изложенного, нетрудно придти к вы-

воду, что отнюдь не объектами изучения науки отличаются друг от друга.

Словом «экономика» обозначается как объект, так и знание об этом объекте. Однако науку конституирует не объект изучения, а специфический взгляд на него исследователя. Предмет, в отличие от объекта, существует лишь в сознании ученого, т.е. зависит от самого научного знания, его состояний и является его частью. Поэтому нет ничего необычного в том, что одному объекту исследования может соответствовать несколько предметов изучения. Соответственно, каждая из названных выше изучающих экономику дисциплин, имеет собственный предмет, который, в свою очередь, не есть нечто застывшее: представления ученых о предмете своей науки динамичны, как динамично само научное знание.

Предметной областью истории экономики в настоящем учебном пособии избраны экономические институты. Важным результатом взаимодействия людей для достижения поставленных ими целей является институционализация подобного их поведения — то есть закрепление определенного поведения в те или иные организационно устойчивые формы, признаваемые всеми участниками данной деятельности и передаваемые следующим поколениям занятых ею людей. Иначе говоря, прошлые действия людей воплощаются в определенных институтах, которые, в свою очередь, определяют их поведение в настоящем или будут определять в будущем, задают «рамки» последующего развития. Институционализация является, таким образом, механизмом социального упорядочения экономических действий.

Наука не выработала единого представления об экономических институтах, поэтому содержание данного понятия мы определим исходя из задач последующего изложения как формы социальной организации людей в процессе их экономической деятельности (в производстве, распределении, обмене и потреблении).

Соответственно, история экономики изучает развитие экономических институтов: их зарождение, трансформа-

цию и смену новыми. В настоящем пособии первоочередное внимание будет уделено институтам, посредством которых реализуются производственная и транзакционная (обмена и перераспределения благ и услуг, финансовых и кредитных ресурсов и т.д.) функции экономики, а также задаются условия ее функционирования (институт денег и прав собственности).

При этом не следует отождествлять экономические институты с исторически (и географически) конкретными организациями или учреждениями. Рассматриваемые в пособии институты представляют собой скорее модели таких конкретных организаций (учреждений), задающие рамки формирования устойчивых взаимодействий людей в них участвующих. Большая (по времени) часть истории экономики пришлась на существование обществ с «встроенным» состоянием экономики, когда экономическая деятельность людей осуществлялась в рамках не специализированных экономических, а социальных институтов (например, семейной общины). Как правило, такие формы организации взаимодействия людей не носили формального характера, т.е. закреплялись, фиксировались в традициях и обычаях (так называемом обычном или традиционном праве). Напротив, по мере автономизации экономики, ее организационные единицы, формирующие условия устойчивого взаимодействия людей, обретают формальный характер, поскольку фиксируются в писаном праве. Это накладывает отпечаток на историческое изучение экономических институтов, сужая круг письменных источников, а, следовательно, фактов, доступных исследователям ранних периодов истории экономики.

Еще одна особенность изучения истории экономики в целом и истории развития экономических институтов в частности заключается в том, что факты, которыми оперирует наука, не объясняют себя сами, они требуют для своей интерпретации соответствующей теории.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

Как было отмечено, начало процессу формирования истории экономики как самостоятельной научной дисциплины было положено «исторической школой» немецкой политической экономии. Появление «историко-экономических работ» способствовало утверждению исторического метода в экономическом анализе. Путем тщательного изучения эмпирического материала, посредством внимательного наблюдения, считали сторонники исторической школы, можно открыть законы в развитии экономики (подобно естественным законам природы), которые повторяются в истории разных стран и народов в соответствующие периоды их развития. Представителями исторической школы, таким образом, велись поиски теорий, которые позволили бы объяснить реальную последовательность экономического процесса в историческом времени.

Академические историки, а в дальнейшем и экономисты, подвергли критике притязания историков-экономистов на создание «социальной физики», формулирующей «законы» экономического развития, отвергли эпистемологическую доктрину «историзма», настаивали на недопустимости отождествления ее с «историей», имеющей дело с уникальными и неповторимыми событиями и явлениями.

«Очень часто историзм ошибочно отождествляют с историей. Однако они не имеют между собой ничего общего. История является изложением прошлых событий и обстоятельств, утверждением фактов и об их следствиях. Историзм же представляет собой эпистемологическую доктрину. Некоторые школы историзма заявляют, что история — единственный способ изучения человеческой деятельности и отрицают адекватность, возможность и содержательность общей теоретической науки о человеческой деятельности. Другие школы осуждают историю за ее ненаучность и, что достаточно парадоксально, с сочувствием относятся к негативной части доктрин позитивистов, требующих создать новую науку, которая по образцу ньютоновской физики должна из исторического опыта вывести законы исторической эволюции и “динамических” изменений» (Мизес Л. фон.)

Конец XIX века был отмечен даже ожесточенным «спором о методе», главными действующими лицами в котором выступили Г. Шмоллер, лидер «новой исторической шко-

лы», и К. Менгер, глава «австрийской школы», один из лидеров маржинализма. Если Шмоллер ратовал за исторически ориентированные исследования, которые должны были стать предварительной стадией перед созданием теории, которая могла бы представить развитие социально-экономических систем, то Менгер отдавал предпочтение точной теории. Последняя ориентировалась на идеал «чистой» науки и пропагандировала по возможности абстрактное, «очищенное» от исторических особенностей и условий познание экономических зависимостей. Обе точки зрения, однако, не лишены изъянов. В подходе Шмоллера таится опасность превращения собранного исторического материала в «грудку фактов», если предварительно не будут сформулированы теоретически обусловленные вопросы. Не менее спорным выглядит и предложение Менгера разграничить науки о всеобщем (экономическая теория) и индивидуальном (история), ибо первое может проявиться только в последнем.

«Все разновидности историзма ... категорически не признают экономическую науку. Однако их работы полны следствий из общих утверждений о результатах различных образов действий. Разумеется, невозможно изучать любую "институциональную" или историческую проблему, не ссылаясь на такие общие утверждения. Любое историческое свидетельство, не важно, касается оно обстоятельств или событий отдаленного прошлого или вчерашнего дня, неизбежно основано на определенной экономической теории... Теоремы экономической науки, говорят сторонники историзма, бессодержательны, поскольку являются продуктом априорного рассуждения. Только исторический опыт может привести к реалистичной экономической науке. Они не могут понять, что исторический опыт — это всегда опыт сложных явлений, опыт совместных результатов, вызванных действием огромного множества элементов. Такой исторический опыт не предоставляет в распоряжение наблюдателя фактов в том смысле, в каком естественные науки применяют этот термин к результатам, полученным в лабораторных экспериментах. ... Исторические факты требуют интерпретации на основе предварительно имеющихся теорем. Они не объясняют себя сами. ... Антагонизм между экономической наукой и историзмом касается не исторических фактов. Он касается интерпретации фактов. Изучая и излагая исторические факты, ученый может внести ценный вклад в историю, но он не способствует увеличению и совершенствованию экономического знания» (Мизес Л. фон.)

«Спор о методе» формально и завершился в пользу «чистой теории», что привело к оформлению «развода» между

экономической теорией и экономической историей. Современная экономическая история, как справедливо замечено, кажется практически «очищенной» от следов истории. Что, впрочем, не решило окончательно вопроса о путях преодоления «большой антиномии» теории и истории, не остановило попыток согласования с большой теорией исторически развивающегося предмета познания. Тем более что в течение столетия после окончания «спора о методе» диалог между теорией и историей не прекращался.

История не оставляла попыток выделения в историческом процессе характерных эпизодов экономического развития, своеобразных «стилизированных процессов», которые по аналогии повторяются в истории и отражают последовательности событий, пригодные для построения теорий. Историческая наука продолжает поиск повторяющихся явлений, систематически оказывающих влияние на определенные аспекты экономического роста. Такая систематичность рассматривается в качестве основы для выявления тенденций и направлений экономического развития. В этом смысле — существования обобщений, попыток выделения типического в развитии — история небезосновательно претендует на статус теоретической дисциплины.

«Исторические явления, для обобщения которых служит теория истории, — это явления, которые в свете нашего интереса к ним можно считать обладающими статистической однородностью. Большая часть явлений экономической истории (как бы широко мы ее не рассматривали) обладает таким качеством, и вопросы, интересующие нас в экономической истории, имеют главным образом отношения к группировкам с явной статистической однородностью. Но, в принципе, речь идет не о различии между историей экономики и другими ветвями исторической науки — явления, обладающие статистической однородностью, можно, конечно, обнаружить в любом разделе исторической науки. Различие следует проводить между интересом к явлениям общего характера и интересом к явлениям сугубо уникальным. И в тех случаях, когда речь идет о явлениях общего характера, вполне приложима теория (экономическая или социальная). В других случаях дело обычно обстоит иначе» (Хикс Дж.).

Кроме того, XX век в корне изменил отношения истории с социальными науками. Если прежде предполагалось, что историки должны собирать эмпирический материал для социальных наук, чтобы в них на его основе разрабатывались теории, то теперь, напротив, социальные науки выступают в качестве поставщиков теоретических концепций для исто-

рии. В последней даже сформировалась «стратегия присвоения» таких концепций.

Источники

✓ Мизес Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции / пер. с англ. М., 2001.

✓ Хикс Дж. Теория экономической истории / пер. с англ. М., 2003.

Таким образом, эмпирическая история экономики, дающая нам достоверное знание о фактах, может быть дополнена сведениями об основных теоретических подходах, заимствованных из арсенала экономической науки, а также примерами, иллюстрирующими использование данных теоретических конструкций для интерпретации отдельных сюжетов эмпирической истории.

Такие теории (одной-единственной универсальной теории истории не существует) дают не только описание, но и объяснение изучаемых явлений. Они имеют гипотетико-дедуктивную структуру. В их основании лежит набор исходных понятий и фундаментальных принципов, задающих тот угол зрения, под которым и рассматриваются факты истории. Иными словами, речь идет о конструировании модели исторической ситуации в теоретических понятиях. Цель такой ситуационной модели заключается в выборе существенных (действенных) факторов, а ее качество зависит от степени приближения к реальной исторической ситуации.

Периодизация истории экономики и учебного материала

Периодизация принадлежит к числу наиболее важных, но и наиболее дискуссионных теоретических разделов истории экономики.

Любая периодизация истории хозяйственного развития не вполне точно выражает реальные связи и отношения. Кроме того, для экономической жизни характерна непрерывность,

отсутствие резких переходов. Однако, во-первых, подобные «скачки» в развитии возможны. А, во-вторых, любая наука «схематична». Без схемы изображение теряет смысл и определенность, поэтому, даже зная об условности, искусственности деления на периоды, историко-экономическая наука (как и любая другая) от такого «схематизма» не может отказаться до сегодняшнего дня. Поэтому разделение истории на периоды, подобно любому виду классификации, должно рассматриваться с точки зрения его полезности для нужд науки или образования, а не с позиций истинности или ложности.

В XIX веке широкую известность получили стадияльные схемы (модели), предложенные представителями немецкой историко-экономической школы. Уже основоположник этой школы Ф. Лист предложил схему, в основу которой был положен экономический принцип — развитие разделения труда. В соответствии с ним в истории выделялось пять стадий: стадия дикости; пастушеская; аграрная; аграрно — промышленная; аграрно — промышленно — коммерческая. Другой представитель этой школы — Б. Гильдебранд — предложил выделять «три стадии развития форм обмена»: натуральное хозяйство; денежное хозяйство; кредитное хозяйство. Заслуживают упоминания и «пять стадий пространственной организации экономики» Г. Шмоллера: деревенское хозяйство; городское хозяйство; территориальное хозяйство; национальное хозяйство; мировое хозяйство.

Долгое время наибольшей популярностью в науке пользовалась периодизация, предложенная К. Бюхером, который в ее основание положил «продолжительность пути, который совершают продукты, направляясь от производителя к потребителю». Он выделял в хозяйственном развитии народов Западной и Центральной Европы: период замкнутого (независимого) домашнего хозяйства (производство исключительно для собственного потребления, хозяйство без обмена); период городского хозяйства (производство на заказ или период непосредственного обмена); период народного хозяйства (товарное производство, период обращения продуктов).

В отечественной историко-экономической науке долгое время доминировал марксистский «формационный» подход, и тесно связанная с ним периодизация истории. Развитие экономики, с точки зрения его сторонников, имеет прогрессивный (восходящий) характер линейной последовательности: каждая последующая ступень располагается выше предыдущей. В соответствии с этим подходом выделяется пять последовательно сменяющихся друг друга общественно-экономических формаций с присущими им способами производства: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая.

В известном смысле альтернативой марксистской стала концепция «стадий экономического роста» У. Ростоу. Последний предложил выделять в истории общества пять этапов, характеризующихся различным уровнем технологического развития: «традиционное общество» (аграрное общество), «переходное общество» (создание предпосылок к «взлету»), стадии «взлета» (период «промышленной революции»), «зрелости» (индустриальное общество) и «высокого массового потребления».

В отличие от большинства известных нам учебных изданий, в основу структуры которых положен «формационный» подход, настоящее учебный курс базируется на представлении экономических институтов в хронологической последовательности их появления, с периодизацией, традиционной для всеобщей истории: древний мир — средневековье — новое время — новейшая история, хорошо знакомой вчерашним выпускникам средней школы.

Подобно рассмотренным выше она является вариантом рассмотрения линейной эволюции экономики, не учитывает существования многообразных циклических моделей историко-экономического развития. Однако, имея самый общий характер, она позволяет не только свободно интерпретировать историко-экономический материал, но и более полно использовать достоинства самых разнообразных периодизаций истории экономики, более свободно решать вопрос о переходных периодах между эпохами.

С другой стороны, подобный подход задает определенные ограничения, так как предполагает разговор, прежде всего, об экономическом развитии Европы (поскольку все рассмотренные выше схемы «европоцентричны»), а также об особенностях экономического развития ее неотъемлемой части — России. Европа (Запад) дает классическую модель, а точнее — целый набор моделей институционального развития. Россия же во многом повторяла развитие остальной Европы. Развитие страны выстраивалось по западным образцам, основывалось на заимствовании (трансплантации) институтов, что не исключает, однако, своеобразия ее модели развития.

Ключевые понятия темы

Институционализация; институциональная структура; исторический метод; клиометрика; количественная экономическая история; контрфактические модели; новая институциональная экономическая история; новая институциональная экономическая теория; объект науки; экономика; периодизация; предмет науки; трансакционные издержки; формальные и неформальные институты; экономический институт; эмпирическая история

Вопросы для обсуждения и проверки

1. Что представляет собой объект изучения историко-экономической науки?
2. Что изучает историко-экономическая наука, если ее предметная область ограничена экономическими институтами?
3. Что представляет собой механизм институционализации?
4. Когда началось становление истории экономики в качестве самостоятельной научной дисциплины?
5. Назовите основные этапы в развитии историко-экономической науки?
6. Каковы были отношения экономической теории и экономической истории на разных этапах развития последней?
7. Что такое периодизация истории?
8. Приведите примеры стадийных схем периодизации истории.

Читаем учебники

- ✓ История экономики: учеб. / под общ. ред. О.Д. Кузнецовой, И.Н. Шапкина. 2-е изд. М., 2005 (Введение)
- ✓ Гусейнов Р. История экономики России: учеб. пособие. Новосибирск, 1998 (Главы 1 и 2).

Особенности изучения

Разговор о «первобытном» хозяйстве предполагает существование в используемой нами периодизации пятой, «доисторической» эпохи, которая формально не относится к сфере интересов исторической науки, однако активно участвует в формировании современных историко-экономических представлений.

Не случайно, поэтому, отрицание самого факта существования первобытной хозяйственной эпохи рядом историков-экономистов, которые не видели в рамках данного периода почвы для установления экономических отношений, связей между людьми. Такая точка зрения, отчасти, справедлива, поскольку «экономика» доисторических обществ еще не отделена от других его (общества) подсистем, экономические отношения встроены в широкую совокупность социальных связей. Ранние формы организации людей в их хозяйственной деятельности «растворены» в широком контексте человеческого взаимодействия. Они более «социальны», т.е. определены нормами первичных сообществ — семей. Для них характерна внутрисемейная и междусемейная неформальная кооперация. По отношению к таким обществам речь не может идти о частном интересе как «двигателе» экономики, на первом плане — проблемы выживания, самообеспечения, социального воспроизводства и т.д.

Выдающимся открытием современной историко-экономической науки следует признать вывод о том, что экономика, как правило, задействует социальные отношения человека. Ни процесс производства, ни процесс распределения в доисторических обществах не связаны с реализацией людьми их экономических интересов, связанных с обладанием вещами, материальными ценностями, товарами. Но каждый элемент

воспроизводственного процесса учитывает необходимость реализации социальных интересов: поддержания социального статуса (положения), достижения социальных целей, сохранения социального «имущества». Экономическая организация представляет собой функцию социальной организации.

Основные историко-экономические подходы

К. ПОЛАНЬИ: ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

К. Поланьи (1886–1964) подверг резкой критике исходную посылку теории А. Смита о природной склонности человека к обмену. Попытка вывести экономические законы из природы человека, на его взгляд, утопична.

«На самом же деле гипотеза Адама Смита об экономической психологии первобытного человека, — пишет он, — была столь же ложной, как и представления Руссо о политической психологии дикаря. Разделение труда, феномен столь же древний, как и само общество, обусловлено различиями, заданными полом, географией и индивидуальными способностями, а пресловутая “склонность человека к торгу и обмену” почти на сто процентов апокрифична. Истории этнографии известны различные типы экономик, большинство из которых включает в себя институт рынка, но им никогда какая-либо экономика, предшествующая нашей, которая бы, пусть даже в минимальной степени, регулировалась и управлялась рынком. Беглый обзор истории экономических систем и истории рынков, рассмотренных в отдельности, сделает это совершенно очевидным. Он продемонстрирует нам, что роль рынков во внутриэкономической жизни различных стран оставалась вплоть до недавнего времени весьма незначительной, и с тем большей наглядностью покажет, сколь резким был переход к экономике, всецело подчиненной рыночному механизму» (Поланьи К.).

В отличие от традиционного (формалистского) понимания экономики, основанного на применении аналитического инструментария неоклассической теории не только для анализа современной рыночной, но и доисторической, античной и средневековой экономик, К. Поланьи предпринял попытку

создания для целей изучения нерыночных экономик специальной теории, основанной на совершенно иных принципах. Ее стали называть «субстантивизмом» (от substantial — реальный, вещественный, содержательный), так как экономикой ее сторонники считают процесс добывания средств существования, деятельность, связанную с жизнеобеспечением человека.

Корни содержательного понятия «экономики», на взгляд Полањи, кроются в реальном хозяйстве, которое он определяет как институционально оформленный процесс взаимодействия между человеком и окружающей средой с целью обеспечения средств удовлетворения его потребностей. Именно институциональное оформление экономического процесса придает тому внутреннее единство и стабильность, порождает структуру, наделенную в обществе определенной функцией, и, наконец, меняет место экономического процесса в обществе. В центре внимания построений К. Полањи — изменение места хозяйства в обществе или, что тоже самое, способы институционального оформления экономического процесса в истории.

«Исследование институционального оформления реальных хозяйств должно начинаться с анализа того, как эти хозяйства обретают внутреннее единство и стабильность, т.е. взаимозависимость и повторяемость их составных частей. Это достигается сочетанием очень немногих способов связи, которые можно назвать формами интеграции. Поскольку эти способы связи существуют бок о бок друг с другом на разных уровнях и в различных секторах экономики, зачастую невозможно выделить какой-либо из них в качестве доминирующего. Таким образом, все они должны использоваться для классификации реальных хозяйств в целом. Тем не менее, различаясь в зависимости от сектора и уровня хозяйства, формы интеграции являются сравнительно простым средством описания экономического процесса, привнося, таким образом, некую долю упорядоченности в его бесчисленные вариации» (Полањи К.).

К. Полањи выделял три основных способа связи (интеграции) экономики. Если для современной (капиталистической) характерен рыночный обмен, то для экономик примитивных и архаических обществ — «реципрокность» (взаимность) и «редистрибуция» (перераспределение). В то же время он специально оговаривается, что эти формы интеграции не должны рассматриваться в качестве «стадий развития»: между ними не только не существует строгой последовательности во времени, они могут сосуществовать в экономике какого-либо общества. Взаимность, т.е. обмен

дарами, обусловленный обязательствами, существующими внутри групп, основанных на кровнородственных связях, а также перераспределение части произведенного общественного продукта в пользу центра с последующим ее распределением среди членов общества, наблюдаемые антропологами у примитивных народов, а экономистами — в современных некапиталистических обществах, присутствовали и в доисторических, античных и средневековом обществах.

Различные способы интеграции требуют определенной институциональной поддержки (среды) — системы симметричных родственных групп и распределительных центров. Вплоть до эпохи заката феодализма в Западной Европе, например, экономические системы строились на принципах взаимности и перераспределения (или их сочетании) и институционализировались с помощью социальной организации. Экономическая деятельность встраивалась в более широкую систему социальных связей, осуществлялась через посредство социальных институтов семьи, племени, общины, города-государства, деспотии, поместья и т.д.

Лишь в период новой истории начинает меняться соотношение экономики и общества. Экономика отделяется от общества, обретая самостоятельность и начиная подчинять себе общественные отношения. В экономической системе преобладающей формой интеграции становится обмен, нуждающийся в совершенно иной институциональной среде — в системе ценообразующих рынков, на которых предложение благ по определенной цене равно спросу по той же цене, т.е. порядок в экономической системе (системе производства и распределения) обеспечивается исключительно ценами.

«Начиная с XVI в. рынки становятся более многочисленными и крупными. В эпоху меркантилизма они превратились фактически в главный предмет заботы правительства, однако никаких признаков того, что рынки будут всецело управлять жизнью человеческого общества, по-прежнему не замечалось. Напротив, регламентация и регулирование никогда еще не были такими строгими, а идеи саморегулирующегося рынка не существовало в принципе. Чтобы понять резкий переход к совершенно новому типу экономики в XIX в., нам следует ... обратиться к истории рынка — института, который мы были вправе почти полностью игнорировать в нашем обзоре экономических систем прошлого» (Поланьи К.).

Такая саморегулирующаяся система рынков не существовала изначально, поскольку предполагает не только то, что все продукты производятся для продажи, но и что существуют рынки факторов производства. Труд, земля и капитал приобретают, по мнению К. Поланьи, форму «фиктивных то-

варов» (называемых так, поскольку товарная форма противоречит самой природе этих ресурсов, ведь носителем труда является живой человек, а земля как таковая не может быть объектом купли-продажи). На протяжении большей части истории факторы производства были исключены из сферы купли-продажи и составляли часть социальной организации. И хотя общество, как могло, пыталось помешать сведению всех социальных форм к их экономическому содержанию, рыночная организация, в конечном счете, модифицировала все ресурсы. В конечном итоге рыночные принципы распространились на всю экономическую систему.

«Элементы производства были обречены стать предметами купли — продажи. Это превращение было синонимом возникновения спроса на саму рыночную систему... Разумеется, они не могли стать настоящими товарами, поскольку на самом деле они не производятся для продажи на рынке. Но фикция их таким образом обретенного бытия становится принципом организации общества. Один из трех элементов выделяется особо: труд — это технический термин, используемый применительно к тем человеческим существам, которые не нанимают других людей, но нанимаются сами. Отсюда следует, что организация труда меняется в соответствии с организацией всей рыночной системы. Но поскольку организация труда — всего лишь другое название формы жизни простого народа, то это означает, что развитие рыночной системы неизбежно сопровождается изменениями самой социальной организации. В соответствии с этим все человеческое сообщество постепенно превратилось в придаток экономической системы» (Поланьи К.).

Обретение экономикой самостоятельности и подчинение ею прочих общественных отношений произошло, по мнению Поланьи в XIX столетии, в результате становления «заводской системы» — промышленного переворота. Произошедшие изменения он назвал «великой трансформацией».

Несомненным достижением К. Поланьи и его последователей стало создание теоретической конструкции, с помощью которой можно проводить сравнительные исследования различных экономических систем, существовавших в истории.

Источники

✓ Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 10–17.

✓ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс (фрагмент) // «Великая трансформация»

Карла Поляни: прошлое, настоящее, будущее / под общ. ред. Р.М. Нуреева. М., 2006. С. 55–73.

✓ Поляни К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.

Но не только «встроенный» характер затрудняет изучение экономики доисторических обществ. Основную часть информации о «первобытном» хозяйстве историко-экономическая наука получает от других дисциплин. Главными среди них являются:

- археология — наука, изучающая историю и образ жизни древних людей по оставленным ими памятникам материальной культуры;

- этнология (антропология) — наука, один из разделов которой — социальная этнология (социальная антропология) первобытности, специализируется на изучении «современных» первобытных обществ, присущих им общественных отношений.

Поэтому, любая, в том числе излагаемая ниже, схема эволюции экономики доисторических обществ представляет собой реконструкцию, основанную на данных, полученных двумя этими науками.

Хозяйство, обусловленное природой

С целью периодизации «первобытной» истории человечества историко-экономическая наука вслед за археологией выделяет эпохи:

- палеолита (древнекаменного периода), характеризующегося употреблением простейших орудий, сделанных из камня (кремния) без тщательной обработки (2,5 млн–15 тыс. лет назад);

- мезолита (среднего каменного периода) — 15–12 тыс. лет назад;

- неолита (новокаменного периода), характеризующегося использованием каменных орудий более совершенного

типа с полированной поверхностью, втулкой для рукояти и т.д. (12–3 тыс. лет назад).

Используя эту периодизацию, история экономики пытается выработать представление о соответствующих данным эпохам ранних формах хозяйственной организации людей.

Принято считать, что эпохе палеолита соответствует собирательная стадия присваивающего хозяйства, известная в двух вариантах: сухопутном и приморском. В дальнейшем из приморского собирательного хозяйства вырастает рыболовство (прибрежное и морское, глубинное), что соответствует сухопутной охоте. И охота и рыболовство требуют коллективных усилий, окрепшей общественной организации и более сложных, нежели собирательство, общественных форм, приводят человека к созданию запасов пищи, заботе о завтрашнем дне.

Антропология утверждает, что для эпохи верхнего палеолита характерны локальные группы охотников, рыболовов, собирателей (насчитывавшими в среднем 17–20 человек, не считая детей). Эти кочевые племенные группы обычно состояли из совокупности семей, которые, как правило, жили вместе и объединялись с другими такими же группами, имевшими общий язык и культуру. Такие локальные племенные группы абсолютно преобладали на Земле 40–10 тыс. лет назад, а кое-где сохранились до наших дней. Именно с ними наука связывает быт бродячих доземледельческих коллективов.

Один из вариантов дальнейшего развития сухопутного собирательства, связанный с растительными продуктами, привел к появлению земледелия и человеческой оседлости. Такое раннее (огородное, мотыжное, ручное, и т.д.) земледелие было тесно связано с животноводством, возникшим из охоты на мелких животных. Такой ход эволюции, как полагают, был обусловлен перенаселенностью, приведшей к исчерпанию прежних источников средств существования. Собирательство и охота считаются расточительными видами деятельности. Антропология предполагает, что типичной племенной группе собирателей и охотников, состоящей из

двадцати пяти человек необходимо для поддержания жизни от одной до трех тысяч квадратных километров земли. Оседлое же земледелие в состоянии обеспечивать средствами существования более многочисленное население. С переходом к ранним формам земледелия потребность в земле сократилась, по всей видимости, до одного — пяти квадратных километров, а с началом мелкого домашнего животноводства — до половины квадратного километра и менее.

Неолитическая экономическая революция

Современная антропология и археология пришли к выводу, что именно локальные группы собирателей и охотников, оказавшиеся в наиболее благоприятных условиях Ближнего Востока около 10000–8000 годов до н.э. совершили переход (заяввший не одно тысячелетие) от хозяйства, присваивающего дары природы, к хозяйству производящему — земледелию и домашнему животноводству, с оседлым образом жизни, совершили основные открытия «неолитической революции» (колесо, керамика, металлургия, плуг, ткачество и т.д.). Самым ранним из известных науке земледельческих поселений считается Иерихон, основанный между 7000–9000 гг. до н.э.

Поскольку понятие «неолитическая революция» заимствовано у археологии, где обозначает, прежде всего, череду технических изобретений, а не перемены в хозяйственной организации людей, правильнее именовать переход от охоты и собирательства к регулярному земледелию и приручению домашних животных «экономической революцией».

Неолитическая (экономическая) революция имела основными своими следствиями:

- быстрый рост народонаселения (демографический взрыв);
- регулярное производство избыточного продукта.

Благодаря первому начинается быстрое распространение достижений неолитической революции и расселение избы-

точного населения в наиболее благоприятных для производящих земледельческих хозяйств долинах рек — Нила, Тигра и Евфрата, Янцзы и Хуанхэ и др. Благодаря второму — положено начало социальному и экономическому неравенству, стали складываться новые формы хозяйственной организации людей.

Земледельческая община

Основой новых форм стало оседло-земледельческое хозяйство одной патриархальной семьи, в рамках которой отец вместе с женой (женами), взрослыми сыновьями, их женами и детьми, представлял собой семейно-клановую группу, имеющую собственное хозяйство. Историко-экономическая наука называет такие образования семейными (родовыми) земледельческими общинами, т.е. общностями людей, построенными на тесных внутренних связях, объединенными по кровнородственному признаку. Для общины, как социально-экономической организации, характерны:

- совместная собственность, используемая отдельными ее членами, но им не принадлежащая;
- формальное равенство между членами;
- нерасчлененность многих хозяйственных функций;
- подчинение традиционному порядку, охватывающему практически все стороны жизни.

Следует особо подчеркнуть, что собственностью на обрабатываемую землю у ранних земледельцев обладали, как правило, группы, объединявшие людей, связанных кровным родством (родственников). Поэтому следует говорить не об общем (первобытный коммунизм), а совместном владении землей кровными родственниками.

В связи с землей появляется современное понятие собственности на средства производства. Как таковая, земля не только находилась в совместном владении семей, но и возделывалась сообща. Не прерывалась и связь между отде-

льными общинами: только обработка полей производилась отдельно и с перераспределением пахотных участков через известные промежутки времени, соответственно изменяющейся численности отдельных семей.

Каждая деревня представляла собой хорошо организованную социальную общность, от функционирования системы самоуправления которой зависело справедливое распределение земли. Естественный прирост населения и следовавшие один за другим переделы уменьшали долю каждой семьи, поэтому, со временем, равенство долей исчезло и стало исключением. С исчезновением незанятой земли единственным средством удовлетворения интересов тех, кто не имел достаточного ее количества, стал уравнительный раздел. Вместо прежней организации появилась новая: равенство наделов, для поддержания которого необходимы были периодические переделы.

Стремление к выравниванию наделов привело к чрезвычайному дроблению земли с крайней чересполосицей участков. Само существование земледельческой общины предполагает неотчуждаемость земли, что стало вступать в противоречие с интересами богатых крестьян, владельцев скота, военной аристократии и т.д. В результате переделы пахотной земли стали производиться все реже и, наконец, прекратились. Начала практиковаться купля-продажа земли внутри общины. При исключительных обстоятельствах происходило отчуждение земли за ее пределы, в результате чего между родственными семьями появлялись пришлые поселенцы. Связь по родству превратилась в связь по соседству, семейная община — в общину соседскую (деревенскую, сельскую).

Таким образом, превращение земли из племенной собственности в семейную, а в дальнейшем в частную, происходило, главным образом, под воздействием фактора роста населения, требовавшего более рациональных способов хозяйственного использования земли.

Переход от семейной к соседской общине (каким бы длительным он ни был) не изменил базового принципа, поло-

женного в основу экономической организации, — производства продуктов для потребления «закрытой» группы, «домашнего хозяйства», самодостаточного объединения, будь то семья, поселение, поместье (в самых разнообразных исторически конкретных их формах). Фактически все экономические институты, начиная с «неолитической революции» и завершая концом средневековья, были основаны на этом принципе.

При этом, однако, следует иметь в виду, что именно переход от семейной общины к соседской обозначил грань между сообществами, в которых доминировали биолого-социальные отношения и теми, где складывались преимущественно социально-экономические связи. Именно в соседской общине формируются предпосылки для возникновения института частной собственности, как на предметы потребления, так и на средства производства, проявляют себя принципы эквивалентности при обмене (деятельностью или продуктами), возникают зачатки эксплуатации. Общность в соседской общине проявлялась в координации действий общинников, а не в общей собственности; в регулировании отношений, а не в распределении продукта или дохода.

Из системы соседских общин в ходе дальнейшей эволюции выросли две противоположные хозяйственные структуры, которые, с определенной долей условности, будем в дальнейшем называть «азиатским» и «античным» способами производства.

*Азиатский способ производства*_____

Как уже отмечалось, неолитическая революция завершилась расселением избыточного населения в благоприятных для земледелия долинах великих рек. Некоторые черты общественной, в том числе и хозяйственной, организации позволили выделить «речные цивилизации» Востока (Персия, Индия, Китай и др.) и Северной Африки (Египет) в особый,

по сравнению с Европой (Западом) «азиатский способ производства». Универсальным параметром такой «азиатской» модели развития хозяйства была ведущая роль надобщинных органов власти и управления (государства) во всех сферах жизнедеятельности общества.

Для соседской общины был характерен основной принцип: земля как основное средство производства не находилась в частной собственности отдельных лиц, но не принадлежала она и общине. Обособившиеся от последней надобщинные институты власти и управления в восточных обществах получили возможность стать собственниками и распорядителями всего общественного достояния. Повышение роли надобщинных институтов, выполнявших во многом хозяйственные функции, в большинстве случаев было связано с необходимостью организации ирригационно-мелиоративных работ, городского строительства, создания погребально-культовых сооружений, защиты от кочевой периферии и пр. В свою очередь, перечисленные мероприятия «консервировали» общинные структуры восточных обществ, сдерживали процесс эволюции общинного землевладения, индивидуализации собственности.

Административный аппарат надобщинной власти (чиновники, жрецы, воины-дружинники) во главе с правителем существовал за счет уже упоминавшегося избыточного продукта, который в форме своеобразной ренты-налога уплачивался деревенскими общинами.

Именно «речные цивилизации» продемонстрировали процесс зарождения поземельно-зависимых отношений. Носители власти в них выполняли не только административно-политические, но и верховные собственнические по отношению к земле (воде и прочим природным ресурсам) функции. Каждый, причастный к власти любого уровня, мог претендовать на долю имущества, труда и продукта земледельческой общины. Внутренняя организация «экономики» восточных обществ была структурирована в иерархическом порядке и либо непосредственно являлась частью достояния носителей

власти, либо «работала» на последних опосредованно через бюрократическую организацию управленческого аппарата.

Поземельно-зависимые отношения развивались, правда, в условиях отсутствия частной собственности на землю, соединения в одном лице субъекта собственности и субъекта власти, присваивающего ренту-налог, что не меняет, однако, характера этих отношений: свободные общинники несли перед государством (правителем, церковью и т.п.) как верховным собственником повинности за право пользования землей (или другими природными ресурсами). С этой точки зрения историко-экономическая наука проводит многочисленные аналогии между восточными обществами и средневековой Европой (например, рассматривая Египет как царское поместье, населенное работавшими на царя крепостными и др.)

Возникновение обмена

Современная археология утверждает, что обмен древнее земледелия, любого другого вида производства. В Европе обнаружены свидетельства о существовании обмена на значительные расстояния даже в эпоху палеолита, т.е. по меньшей мере, 30 тыс. лет назад. Обмен носил первоначально междуплеменной характер, не знал определенного мерила, осуществлялся в форме обмена подарками, производимого в виде торжества, пиршества, обрядовой форме или в виде заочной торговли, когда два племени, не доверяя друг другу, обменивались «в темную».

К концу неолита обмен имел уже широкое распространение, велся по привычным торговым путям, большей частью по течению рек, соединенных волоками, позволявшими переходить из одной речной системы в другую. По мере ее расширения возникла общая единица оценки, которая является эмбрионом денег. В качестве последних выступали разнообразные предметы, но чаще использовался скот. Латинское слово «rescūia» — деньги, происходит, очевидно,

от «ресус» — скот. Доисторическая «торговля», однако, первоначально не приносила прибыли. Она сводилась к простому, прямому, обмену и завершалась потреблением. Даже результаты такой «торговли» чаще накапливались в руках не торговцев, а воинов или старейшин племен.

Лишь со временем обмен становится «специальностью», особым «промыслом», уделом странствующих воинов, пиратов, изгоев, подобранных себе таких же вольных товарищей. Подобная торгово-военная группа противоположна племени. Она определялась у русских термином «гость», что означало одновременно «торговец», а на латинском языке уже прямо «hostis» — враг. В англосаксонском языке «host», напротив, хозяин. Интересы торгового гостя и хозяина противоположны. Бродячие торгово-военные кочевые группы нередко покоряли оседлые племенные образования, создавали новый междуплеменной сплав, основывали новые центры, торговые колонии (например, финикийские, эллинские, арабские и др.). Именно в рамках этих групп возникли представления о торговом накоплении, торговом обороте, перепродаже и т.д. Однако дальнейшее развитие торговли принадлежит исторической эпохе.

Ранние цивилизации Востока знали и мелкий обмен без участия посредников, и торговлю на государственном уровне, где она осуществлялась профессиональными торговцами, действовавшими не от своего имени, а в качестве чиновников. Торговля, таким образом, не была торговлей частной, осуществлявшейся торговцами-посредниками за свой страх и риск, а, как и все прочие сферы жизни, находилась в руках государства, опутавшего сетью монополий не только сбыт, но и производство предназначенных для продажи изделий. Лишь позднее, и то чаще по инициативе аппарата власти (так как она обслуживала его потребление), возникла частная торговля и рынок, обращение товаров и денег (хотя эти цивилизации возникли еще в конце IV тысячелетия до н.э., монета появилась там только на грани VIII–VII вв. до н.э.), а также особого товара — рабов.

Следует обозначить еще одно направление хозяйственно-го развития, наметившееся в период «неолитической революции», когда из охоты на крупных травоядных загоном, их приручения, возникло скотоводство и характерный для него кочевой быт (номадизм). Скотоводство, как и земледелие, склонно к массовому нарастанию, создает возможности быстрого увеличения населения и обеспечивающей его продукции. Развиваясь первоначально самостоятельно и параллельно, в различных географических зонах, они впоследствии вступают во взаимодействие, в котором скотоводство играет более активную роль.

Скотоводческо-земледельческая линия хозяйственной эволюции достигает своего максимального проявления, наиболее полного раскрытия заложенных в ней возможностей в кочевых обществах скотоводов зоны Евразийских степей (Казахстан, Монголия) и полупустынь Аравии и Сахары. Однако кочевнический путь развития исчерпал свои возможности уже в древности и поэтому историко-экономическая наука считает его тупиковым.

Ключевые понятия темы

Азиатский способ производства; антропология; археология; земледельческая община; историческая реконструкция; кочевой быт (номадизм); мезолит; неолитическая революция; отчуждение; палеолит; патриархальная семья; племенная группа; поземельно-зависимые отношения; присваивающее хозяйство; производящее хозяйство; редиистрибуция; реципрокность; собирательное хозяйство; субстантивизм; торгово-военная группа; ценообразующие рынки; частная собственность; чересполосица.

Вопросы для обсуждения и проверки

1. Каковы особенности изучения «доисторического» периода истории экономики?

2. Каково содержание историко-экономических взглядов К. Поланьи?

3. Как, на взгляд антропологов, были организованы люди в период собирательной стадии присваивающего хозяйства?

4. Каковы содержание и последствия неолитической (экономической) революции?

5. Что представляет собой земледельческая община как экономический институт?

6. Что движет эволюцию общинной организации хозяйственной деятельности?

7. В чем причины повышения экономической роли органов власти в обществах перераспределительного типа?

8. В чем отличие поземельно-зависимых отношений, складывавшихся в восточных обществах, от существовавших впоследствии в средневековой Европе?

Читаем учебники

✓ История экономики: учеб. / под общ. ред. О.Д. Кузнецовой, И.Н. Шапкина. 2-е изд. М., 2005 (Главы 1, 2 § 2.1)

✓ Конотопов М.В., Сметанин С.И. История экономики зарубежных стран: учеб. для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2006 (Введение, Разделы I, II).

Вплоть до начала I тыс. до н.э. существовали общества только «азиатского типа». В VIII в. до н.э. стали возникать общества иного вида, которые хотя и формировались под влиянием восточных обществ, заимствовали и усвоили многие экономические институты, присущие последним, продемонстрировали принципиально иную модель общественного, в том числе и экономического развития. Их принято называть античными. Первым таким обществом было древнегреческое, вслед за которым появились: этрусское, карфагенское и латинское, в котором ведущее положение занял Рим. Именно падение Западной Римской империи в V в. н.э. поставило точку в истории античности.

Аграрные институты древнегреческого общества _____

Основой античной экономики являлась автономия уже известных нам семейных домохозяйств, которая стала результатом интенсивно шедшего процесса индивидуализации собственности на землю, приведшего к возникновению индивидуального земледельческого хозяйства. Наилучшие условия (природно-климатические, рельефные, географические и др.) для формирования последних, а стало быть, для распада соседских общин, сложились именно в древней Европе, в бассейне Средиземного моря, где было возможно ведение хозяйства силами отдельной семьи, поскольку сельскохозяйственная деятельность (в отличие от ирригационного земледелия азиатских обществ) не требовала коллективных усилий клана (племени) или всего общества. В силу названных причин индивидуальное (семейное) производство в античных условиях оказалось не только реальным, но и экономически эффективным.

В античных обществах земля первоначально не являлась частной собственностью отдельных лиц. Наука говорит о существовании: «первобытных» порядков в области аграрных отношений (совместное клановое владение землей, совместное потребление); «государственной» собственности, распределяемой среди населения; собственности патриархальных семей, которым принадлежал полученный по жребью участок, за пределами которого лежали общинные угодья (семейная земледельческая община). Однако, в IX–VIII вв. до н.э. собственность стала делиться между наследниками, а все ограничения, накладывавшиеся на отчуждение земли патриархальным характером собственности, преодолевались различными путями. Одной из важнейших отличительных черт частной собственности является право свободного отчуждения имущества, закрепление этого права за главой семьи. Становление земли объектом отчуждения происходило в результате:

- деления участков на доли, передававшиеся наследникам;
- дальнейшего дробления участков у новых хозяев;
- пожизненного дарения;
- назначения приданым за невестами;
- действительных или мнимых долгов, прикрывавших фактическую продажу земли; и т.д.

Свобода отчуждения земли достигалась путем преодоления патриархального характера собственности:

- наследникам признавались сыновья дочерей, которые считались детьми деда;
- при отсутствии сыновей у дочерей, применялось усыновление, «покупка сына»;
- для искусственного продолжения рода использовалось завещание; и т.д.

Замена коллективной собственности клана на землю, основанной на военных способностях граждан, индивидуальной собственностью, в основе которой лежало умение обрабатывать землю, интенсивно шла в эпоху реформ архонта (правителя) Афин Солона (VI в. до н.э.). Подтвержде-

ние прав собственности осуществлялось на основе годового объема производства зерна, вина, масла (урожая). (Ранее частная собственность если и существовала, то, как владение, защищаемое физической силой или обычным правом (традицией), либо узаконенное длительным сроком пользования или трудом, вложенным в ее обработку). Формирующийся институт частной собственности стал оформляться в виде свода законов.

При этом обрабатываемая земля не признавалась товаром, ибо обладание ею создавало основу полноценного гражданского статуса. Греки (как впоследствии и римляне), лишившиеся земли, превращались в пролетариев (от лат. *proletarius* — принадлежащий к неимущему слою в Риме). В некоторых государствах даже действовали законы, запрещающие продавать свою родовую землю, потеря которой считалась позором, служила основанием отказа в погребении на родине и т.д. Со времен Солона независимые крестьяне считались свободными людьми, освобожденными от уплаты податей (налогов).

Первоначальное относительное равенство в области землевладения постепенно исчезло, стеснения в условиях отчуждения земли были либо отменены, либо обойдены. Неравенство в распределении земельной собственности и задолженность земли — основные черты, характеризующие аграрные отношения классической Греции (V–IV вв. до н.э.).

Благодаря фактически сложившемуся институту частной собственности на землю греки создали плотную сеть экономических отношений, связавших между собой различные семейные домохозяйства. Полисная община (от греч. *polis* — город-государство) выступала уже как объединение самостоятельных в экономическом отношении субъектов, землевладельцев, связанных между собой горизонтальными (а не вертикальными, как в государствах Востока) отношениями, и являлась скорее политическим, судебным, военным, а не экономическим институтом. Хотя как таковой полис в немалой степени способствовал развитию внутренних рынков, а также росту «административной торговли» на рынках

международных, поскольку государственное устройство устанавливало и защищало экономические права.

Институт античного рабства _____

В ходе эволюции аграрных институтов на первый план выдвинулись отношения между полноправными гражданами-собственниками и не имеющими собственности, полноты прав, а часто и личной свободы работниками — рабами, крепостными, наемными рабочими и пр., которые и стали основными объектами эксплуатации.

С достаточной степенью условности можно выделить две формы эксплуатации в истории античных обществ. Первая форма, — когда для работы на других принуждаются лишь отдельные индивидуумы. При второй же форме — все племя в целом. Объединяет их то, что эксплуатируемый не входил с эксплуататором в одну общину: раб в силу того, что стоял вне всякого гражданского права, платящий дань потому, что община, к которой он принадлежал, не потеряла своей самостоятельности. Эксплуататоры и эксплуатируемые составляли две отдельные общины, а не являлись двумя классами в обществе.

Поскольку вплоть до VI в. до н.э. вторая форма эксплуатации преобладала, греческое общество и экономика не могут быть, строго говоря, названы рабовладельческими. Действительно, многие народы древней Эллады и Пелопоннеса в ходе вторжения на их территорию греческих племен стали данниками и подданными захватчиков. На основании договора они не могли быть проданы за пределы своей страны или подвергнуты смерти. Прикрепленные к земле и защищенные от произвола, они были не столько рабами, сколько крепостными, платящими оброк, права и обязанности которых регулировались договором.

В ином положении находились пленные, ставшие рабами, не захотевшие принять на себя обязательств, и которые

силой оружия были поставлены в более тяжелое положение. Некоторые из них оставлялись для нужд общины, другие распределялись между гражданами для возделывания их земель, охраны их стад, выполнения домашних работ. Именно в этом случае Греция демонстрировала население, разделенное на господствующих и порабощенных, рабовладельческую общественную организацию, переложившую труд на плечи безоружной массы. Начиная с VI в. до н.э., численность такого населения росла: большего числа рабов требовали ремесленное производство и торговля (эти занятия были недостойны полноправных граждан), в росте количества рабов усматривался источник развития производства и увеличения богатства общины.

Классовый характер носило долговое рабство. Должники, принадлежавшие к той же общине, что и заимодавцы, наряду с отдачей в залог земли (ипотека, от греч. *hipotheke* — залог, заклад) теряли нередко свободу, отдавали себя в кабалу, продавались в рабство, в случае неуплаты долга, становились арендаторами земли, довольствовавшимися частью урожая и отдающими большую его часть землевладельцу. Античные общества, однако, вели с такой формой рабства борьбу, стремились поставить людей, лишившихся земли, пускай на нижнюю ступеньку, но той социальной лестницы, на которой находились полноправные граждане, делали их фактически государственными пенсионерами — пролетариатом потребителей (существовавшими, как например, в Риме, за счет бесплатных раздач продовольствия).

Промышленные, торговые и денежные институты _____

Вместе с развитием аграрных институтов античная Греция демонстрирует перемены и в промышленной организации. Наряду с производством промышленных изделий в пределах домохозяйств для удовлетворения собственных потребностей, существовало и ремесло — промышленный

институт, в рамках которого непосредственный производитель, используя собственные средства производства, обрабатывает сырье, приобретенное за свои же средства на рынке для производства готовой продукции, которая сбывается на рынке непосредственно потребителю или купцу.

В течение V–IV вв. до н.э., однако, большинство свободных ремесленников в полисах опустилось до положения наемных рабочих, с трудом выдерживая конкуренцию с рабским трудом, постоянно нуждаясь в поддержке со стороны общины. В этот период практически во всех городах, где промышленное производство достигло сколько-нибудь значительного развития, уже рабская мастерская — эргастерий (греч. *ergasterion*) — стала господствующей формой ее организации.

Преобладание рабского труда в промышленности во многом объясняется условиями экономического развития греческих городов-полисов, которые определялись потребностями внешнего рынка. Высокий темп промышленного развития ряда греческих городов (Афин, Коринфа, Сиракуз и др.) не стоял практически ни в какой связи с расширением и углублением внутреннего рынка и объяснялся их приспособлением к потребностям внешнего. Достигалось это во многом за счет заимствований технологий и рабочей силы (рабов) с Востока, так как внешняя торговля требовала достаточно высокого уровня ремесленного развития, которого греческие города самостоятельно за столь короткий срок вряд ли смогли бы достичь. Ремесло же, использовавшее дешевый труд умелых рабов и переселенцев, было конкурентоспособно на внешнем рынке.

Высокий темп развития был характерен также и для греческой торговли. Если еще во второй половине VIII века до н.э. их торговые связи с соседями находились в зачаточном состоянии, то уже к концу VII века до н.э. греческие колонии охватывали Средиземное море плотным кольцом почти по всему его побережью, а греческие общины приобрели монопольное положение в торговле. Последняя в эту эпоху

носила преимущественно посреднический характер и сводилась к скупке и перепродаже сырьевых материалов и ремесленной продукции соседних стран, рабов. По мере развития собственного ремесла во внешнеторговом обороте городов-государств возросла доля его продуктов. Однако благодаря исключительно выгодному географическому положению именно посредническая торговля стала основой экономического развития большинства из них. Это подтверждается и фактом той незначительной роли, какую обмен играл за пределами городов, в «провинции», где практически в полном объеме сохранились натуральные отношения домашнего «ойкосного» хозяйства.

Торговое развитие греческих полисов обусловило важную роль, какую играли в их жизни денежные институты. К середине V в. до н.э. весь греческий мир пользовался монетой (от греч. *numisma* — монета). Существование различных монетных систем, разнообразия видов и сортов, чеканившихся едва ли не каждым городом монет, обусловило появление промысла менял-трапезитов (от греч. «трапеза» — стол), занятых их обменом или разменом. Такие менялы играли роль «банкиров»: принимали деньги для выплаты другим лицам, хранили их, ссужали деньгами, взимая проценты, вели торговые книги, в которые вписывали депозиты и произведенные платежи, переписывали с одного счета на другой и т.д.

Получил распространение земельный кредит, так называемая «продажа с правом выкупа», форма кредита, при которой вещь немедленно же переходила от должника к кредитору, но с правом первого, в случае возврата полученной суммы в известный срок, получить имущество обратно. Позднее возникла уже упоминавшаяся ипотека, где недвижимость оставалась в руках должника. В связи с развитием торговли возник и морской заем, когда ссуда давалась под залог корабля или груза.

И все же подавляющая масса домохозяйств не была включена в систему денежных и кредитных отношений. Натуральное семейное домохозяйство сохранилось в более или менее

чистом виде и признавалось «экономическими» сочинениями того времени основной формой хозяйственной организации.

Основные историко-экономические подходы

ТЕОРИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОРЯДКОВ В. ОЙКЕНА

Немецкий экономист В. Ойкен (1891–1950) в своих «Основах национальной экономики» предпринял попытку разрешить уже упоминавшуюся нами «большую антиномию» экономической науки — противоположность изучения повседневной хозяйственной практики и решению общетеоретических проблем. Поскольку же повседневная хозяйственная практика должна восприниматься в контексте соответствующей исторической эпохи задача, проблема, за решение которой взялся экономист, может быть сформулирована как поиск способа сочетания теоретического и эмпирического (исторического) начал экономического исследования.

Такое сочетание теории и истории немецкая историческая школа в экономической науке традиционно искала путем выделения «ступеней» или «стилей» хозяйственного развития.

«Основная идея в высшей степени проста, а потому впечатляюща. Предпринимается попытка обнаружить определенные “фазы”, “стадии”, “ступени” всякого исторического становления, а затем построить для каждой отдельно фазы или ступени теорию, которая должна объяснять хозяйственную практику именно данной отдельной фазы или ступени и быть только для нее в полной мере истинной. Так например, Карл Бюхер считал необходимым создание специальной экономической теории для каждой из трех ступеней, которые в своем развитии якобы прошли все народы Центральной и Западной Европы, — “домашнего хозяйства”, “городского хозяйства” и “народного хозяйства”. “Определение таких ступеней развития хозяйства является обязательным методическим средством, — писал он, — если не единственным возможным путем поставить результаты исследований в области экономической истории на службу экономической теории”» (Ойкен В.).

В. Ойкен противопоставил такому подходу оригинальную «теорию хозяйственных порядков». Экономическая наука, на его взгляд, должна при помощи метода «выделяющей абстракции» (когда наблюдатель концентрируется на

определенных аспектах исторической реальности и пренебрегает всеми другими) выявить все чистые идеально-типические формы хозяйствования, из которых как в прошлом, так и в настоящем, складываются конкретные хозяйственные порядки. Идеальные типы являются аналитическим инструментом, но не описанием реальности. Историк, живущий в мире конкретных, реальных хозяйственных форм, в состоянии познать их, лишь опираясь на знание чистых, идеальных форм порядка, которое дает ему теоретическая экономия. Исторически реальная экономика в ее индивидуальности познается только с помощью вневременных теоретических положений. Лишь в этом случае историк в состоянии уйти от простого коллекционирования фактов истории хозяйства, описания их и заняться познанием исторически конкретных хозяйственных порядков, которые представляют собой комбинацию различных чистых форм.

«Историк, который взялся бы нанизывать один на другой отдельные хозяйственные факты ... действовал бы бессмысленно. Он поступал бы как человек, которому нужно описать дом, а он вместо этого изображает отдельные камни, из которых это дом построен, не имея представления об его горизонтальной и вертикальной проекции и не зная его архитектоники. Историк должен разбираться в хозяйственных порядках и уметь видеть отдельное хозяйство и любой экономический факт в целом... Экономисты должны им (историкам) сказать, что хозяйственный порядок какого-либо периода можно понять, только применяя чистые формы порядка — подлинно идеальные типы. Тогда историки оказались бы в состоянии сами определять отдельные конкретные хозяйственные порядки. В чистом виде формы порядка существуют только мысленно, но в виде сплавов они конституируют каждый конкретный порядок. Историк живет в мире конкретного. Чтобы познать мир конкретной экономики, он должен знать формы порядка, которые открывает национальная экономия. Только так он может выйти за пределы простой констатации отдельных, произвольно выхваченных фактов, которая не является еще наукой. Итак, национальная экономия должна предлагать не схемы, претендующие на отражение конкретной экономики..., а чистые формы, применение которых делает возможным познание данного хозяйственного порядка» (Ойкен В.).

Предмет теории порядка в этом случае состоит, прежде всего, в выявлении исторически сформировавшихся и реально существующих форм порядка и определяемых ими экономических систем. В этом смысле В. Ойкен позитивно относился к попыткам преодоления антиномии истории и те-

ории, предпринимавшимся А. Смитом, не игнорировавшим влияния особых исторических ситуаций на экономическую жизнь. Однако, в отличие от классической политической экономии, искавшей в историческом многообразии порядков один естественный и нашедшей его в конкурентном порядке, В. Ойкен исходил из существования широкого спектра различных совокупных хозяйственных порядков.

В соответствии с данным походом В. Ойкен свел бесконечное многообразие хозяйственных форм к двум чистым основным конституирующим формам, которые историческое исследование может найти во всех эпохах: идеально-типические хозяйственные системы «централизованно-управляемого хозяйства» и «менового (рыночного) хозяйства». Если первая характеризуется тем, что экономическая жизнь общества регулируется планом, исходящим из центра, то вторая — наличием независимых друг от друга хозяйств, самостоятельно проводящих в жизнь свои планы.

Система централизованно-управляемого хозяйства, в свою очередь, существовала и существует в двух формах: «простой централизованно-управляемой экономики» или «обособленного хозяйства» и «централизованно-административной экономики».

«Обе формы централизованно управляемой экономики с их вариантами можно рассматривать как конкретные виды хозяйственных порядков, но также и в качестве исходных посылок ... теоретического анализа хода экономических процессов. Для обеих форм централизованно управляемой экономики характерно сосредоточение экономической власти в одном месте. Менее заметное, но очень осязаемое — в обособленном хозяйстве; весьма очевидное — в централизованно-административном хозяйстве. Во второй экономической системе, а в ее рамках — в тотальной централизованно-административной экономике власть является максимально концентрированной и получает неограниченное экономическое воплощение. Каждый член общности полностью зависит от хозяйственного руководства центральной администрации и ее бюрократии и не имеет никакой экономической свободы и самостоятельности. Где бы эта форма... ни существовала..., каждый отдельный человек становится существом, чья единственная задача состоит в постоянном подчинении приказам центральной инстанции и чиновников. Для других вариантов этой экономической системы характерно некоторое ослабление полновластия центральной инстанции...» (Ойкен В.).

В зависимости от относительного числа продавцов и покупателей на рынках определенных товаров, а также от

вытекающих отсюда последствий для решений участников рынка и для установления рыночного равновесия (или, что то же самое, в зависимости от различных форм предложения и спроса), В Ойкен выделяет несколько «форм рынка» или «менового хозяйства».

«Поскольку можно обнаружить пять форм предложения (а именно, конкуренцию, частичную олигополию, олигополию, частичную монополию и монополию), равно как и пять аналогичных форм спроса, то возможно 25 форм рынка... Конечно, для науки было бы куда удобнее иметь дело с одной формой, упорядочивающей обмен товаров, скажем, с конкуренцией или монополией. Однако в прошлой и нынешней экономической действительности наблюдается большое разнообразие и изменчивость этих форм, которые к тому же смешиваются между собой. Так как ход экономического процесса зависит от формы рынка, то не следует игнорировать это многообразие... Тот, кто жалуется на “плюрализм”, который проявляется не только в многообразии форм рынка, но и во всей морфологической системе — включая централизованно-управляемую экономику с обеими ее формами, — не понимает проблемы. Реальная действительность демонстрирует нам необозримое многообразие экономических порядков, каждый из которых наделен своими индивидуальными чертами и имеет очень сложную организационную структуру» (Ойкен В.).

Сам факт существования ограниченного (обозримого) числа чистых форм делает возможным осуществить качественный анализ структуры конкретного хозяйственного порядка — фактически той институциональной экономической среды, в которой протекали в прошлом или протекают в настоящем экономические процессы. В. Ойкен, будучи историком по образованию, на страницах своей книги неоднократно демонстрирует возможности предложенного им теоретического подхода к познанию прошлого.

Далеко не все в подходах В. Ойкена сохранило свою актуальность до наших дней. Это относится, прежде всего, к выработанной им классификации форм рынка и денежных систем. На взгляд некоторых исследователей творческого наследия ученого, в наши дни «защищать теорию от истории» не приходится; напротив, история остро нуждается в объясняющих теориях, тогда как экономисты-теоретики пытаются объяснять исторические события с помощью «антиисторического» неоклассического инструментария. В этом смысле, теория хозяйственных порядков В. Ойкена сохраняет свое значение как одна из интереснейших попыток разработать теоретический аппарат экономической науки, опираясь на факты хозяйственной жизни.

Источники

- ✓ Ойкен В. Основы национальной экономики / пер. с нем. М., 1996.
- ✓ Ойкен В. Экономические системы // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 18–52.

Экономика Рима: колонат

Основные черты хозяйственного развития античности были рассмотрены нами на примере древнегреческого общества. Рим по степени своего экономического развития стоял значительно ниже греческих городов-полисов. Римское государство, явившееся результатом завоевания (в том числе и Греции), было построено на заимствованиях многих уже известных политических и экономических институтов. Общеизвестным вкладом Рима в их развитие стала разработка системы гражданского права, регулировавшего договорные отношения в экономике. Главным экономическим достижением римского общества стала кодификация (т.е. систематизация, путем составления сводного законодательного акта — кодекса) основ прав собственности в Римское право, наследие которого сохранилось в современной континентальной Европе.

Среди достижений Рима глубокий след в экономической истории Европы оставила его аграрная структура. В римской аграрной экономике возникла организация сельскохозяйственной территории, ставшая предпосылкой «поместья» как хозяйственного института. В начале периода Империи (I–II вв. н.э.) была создана система землеустройства — межевания земель, которая способствовала упорядочению юридического положения земель и прав собственности (землепользования), что, в свою очередь, стало одной из предпосылок экономического расцвета государства в период «золотого» II в. н.э.

Двумя столетиями ранее в структуре сельского хозяйства уже выделялись крупные земледельческие хозяйства — ла-

тифундии (от лат. *latus fundus* — обширное земельное владение). Используя в широких масштабах труд рабов они размещались в провинциях, на захваченных землях, которые, в силу этого, становились публичной (общественной) собственностью и рассматривались как отдельные налоговые единицы. В рассматриваемую эпоху резко увеличился их размер, организация, место в структуре хозяйства. Крупная земельная собственность возобладала над мелкой и средней: интенсивно шел процесс обезземеливания крестьянства на Итальянском полуострове, где земли находились в абсолютной частной собственности в руках римских граждан (хотя государство и принимало меры по его сдерживанию).

С сокращением поступления в латифундии рабов (II–III вв. н.э.) возникла новая форма организации землепользования — колонатное держание (аренда) земли. Латифундиальная земля стала делиться на две части — господскую и крестьянскую. Первая, включавшая усадьбу землевладельца и прилегавшие к ней земли, продолжали обрабатываться рабами. Вторая, разбитая на мелкие участки (парцеллы), отдавалась в наследственное арендное держание крестьянам, рабам, посаженным на участки, вольноотпущенникам, но главным образом, колонам — лично свободным людям, но прикрепленным к земле, которую они обрабатывали. Поземельная зависимость сводилась к уплате арендной платы в виде части продуктов их труда (реже денег), использовании инвентаря и скота, предоставленного землевладельцем. Зависимость усиливалась тем, что государство делало последнего ответственным за исправное исполнение арендаторами государственных повинностей, уплату податей (налогов).

Фактическое прикрепление колонов-арендаторов к земле в IV–V вв. н.э. превратилось в установленное законом, который, гарантируя личную свободу, навсегда прикрепил крестьян к участкам, которые они обрабатывали. Как следствие, землевладельцы стали присваивать себе судебную и административную власть над крепкими земле людьми (крепостными). Сформировался прообраз будущих феодальных институтов.

Несколько отступая от принятых хронологических рамок, заметим, что для хозяйственного строя древних восточных славян VI–X вв. н.э. было характерно преобладание присваивающего типа хозяйства (собирательства, охоты или звероловства, рыболовства и т.д.). Лишь с середины этого периода земледелие начинает приобретать сколько-нибудь значимое хозяйственное значение, поэтому соответствующие формы хозяйственной организации будут рассмотрены нами в последующих разделах пособия. Здесь же подчеркнем, что отличия в формах организации хозяйства, присущих этому или другому этапу русской истории, от западной модели, сводятся в существе своем к различию в степени их развития.

Ключевые понятия темы

Античное рабство; выделяющая абстракция; гражданский статус; гражданское право; держание земли; долговое рабство; индивидуализация собственности; ипотека; кодификация; колон; колонатное держание земли; крепостной; латифундия; меновое (рыночное) хозяйство; меняла-трапезит; монетная система; обезземеливание крестьянства; общественные классы; парцелла; полисная община; пролетарий; рабовладельческая общественная организация; хозяйственный порядок; централизованно-управляемое хозяйство; эксплуатация; эргастерий.

Вопросы для обсуждения и проверки

1. Что историко-экономическая наука считает основой античной модели развития хозяйства?
2. Каким путем шел процесс индивидуализации собственности на землю?
3. Каково экономическое значение института античного рабства?
4. Носило ли античное рабство классовый характер?
5. Назовите основные причины развития товарного обмена, активности денежного обращения и интенсивности кредитных операций в античной экономике?

6. Каков вклад Рима в развитие экономических институтов?

7. Какие отношения скрываются за понятием «колониальное держание земли»?

8. Как наводит мосты между экономической теорией и историей «теория хозяйственных порядков» В. Ойкена?

Читаем учебники

✓ История экономики: учеб. / под общ. ред. О.Д. Кузнецовой, И.Н. Шапкина. 2-е изд. М., 2005 (Глава 2, § 2.2)

✓ Конотопов М.В., Сметанин С.И. История экономики зарубежных стран: учеб. для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2006 (Раздел II, глава 3).

В исторической науке существуют различные точки зрения на границы эпохи, именуемой «средними веками» или «средневековьем», ее внутреннюю периодизацию. Большинство авторов считает ее началом год падения Западной Римской Империи (476 г. н.э.) или «округленно» V в. н.э. Окончание средневековья относится к 1500 г. — самой близкой «круглой» дате к открытию Америки и началу реформации; именно грань XV–XVI вв. ознаменовалась кризисом «феодалного способа производства», генезисом капитализма и т.д.

Аграрные институты древнегерманского общества _____

В течение античного времени «варварский», преимущественно кельтско-германский мир («германский способ производства», по К. Марксу) совершал известную из предшествующих разделов эволюцию. Шел процесс разрушения родовой собственности на землю, превращения семейной общины в общину соседскую, с обозначившейся собственностью отдельных домохозяев на пахотную землю, но с сохранением общего владения непахотными землями (марка).

Источником индивидуальной собственности у германцев являлся захват (заимка) земли в общих, никому не принадлежащих угодьях. Такая земля отличалась от аллодиальной (от др. герм. *al od* — полное владение) наследственной собственности, так как распоряжение ею ничем не ограничивалось. Однако и сам аллод претерпевал изменения. Если первоначально аллод был индивидуальным наделом, подконтрольным верховенству общины, то на более поздней ступени эволюции он превратился фактически в частную собственность. Разделы земли между супругами, братьями, способствовали индивидуализации семейной собственности, возникновению отчуждаемого аллода.

Сказалось и римское влияние, где земля уже давно была частной собственностью. Поэтому уже в I в. н.э. среди древних германцев существовало неравенство в землевладении: одни имели небольшие участки земли, обрабатываемые силами семьи, другие — значительные по размерам участки, для обработки которых использовались рабы, платившие оброк, подобно римским колонам. Очевидно, что указанные процессы стали идти более интенсивно с распространением германских племен на территорию Западной Римской империи.

Аграрные институты средневековья _____

В период перехода от Античности к Средневековью, считают историки, вследствие крушения имперской системы налогообложения, утраты былого могущества римской аристократией, возрастала автономия и социально-экономическое значение мелких собственников. В начале средневекового периода, после крушения Римской империи, территории, где господствовало римское поместье (*fundus*), перемежались с территориями преимущественно крестьянского землевладения.

На протяжении V и последующих веков шло объединение романо-германских областей в одно франкское государство, в котором и протекали процессы средневековой хозяйственной эволюции. И началась эта эволюция с ассимиляции римских и германских аграрных институтов. Эпицентром формирования аграрных институтов средневековья суждено было стать институту прекария (от лат. *precarium* — данное во временное пользование) — держанию земли, необеспеченному договором и могущему быть отнятым собственником в любое время.

В рассматриваемую эпоху прекарий выполнял, прежде всего, защитные функции: потребность в безопасности в неспокойное время «великого переселения народов» играла очень важную роль в организации социальных отношений между

людьми. Даже при условии, что собственность свободных людей являлась полной, свободно наследуемой и отчуждаемой, маленькому человеку трудно было отстаивать свои права, в силу чего крестьяне, стремились поставить свой участок земли под защиту могущественных лиц, даря или фиктивно продавая его, продолжая пользоваться им, как прекарием.

Отношения, когда основное средство производства — земля, находившееся в полной собственности земельной или военной аристократии, церкви, передавалось в обособленное условное владение крестьян, самостоятельно ведущих на ней хозяйство и отдававших собственнику часть урожая (труда), доминировали в аграрных отношениях средневековья. Хотя и не исчерпывали всего их содержания, тем более что отношения между господином и крестьянином не сводились к одной лишь угрозе насилия или реализации этой угрозы.

С позиции же земельного собственника, давшего землю в держание, прекарий был реальной или фиктивной милостью, т.е. бенефицием (от лат. *beneficium* — благодеяние). Последний по своему содержанию был шире прекария и обозначал любые, а не только земельные, держания, связанные с уплатой оброка, несением службы или готовностью к таковой.

Развитие прекарных и бенефициальных отношений способствовало об интенсивном процессе разделения всей совокупности прав на землю на право собственности и право условного владения. Превращение значительной части ранее свободных собственников в держателей чужой земли вело к развитию крупной собственности, становлению института поместья (сеньориального домена, барского двора, манора).

Поместье как экономический институт _____

Историко-экономическая наука характеризует средневековое поместье как замкнутое домашнее хозяйство, которое самостоятельно удовлетворяло подавляющую часть потребностей находящегося в его пределах населения, являлось

самодовлеющим целым, замыкалось в своих границах. При всей условности, схематичности подобного подхода, следует согласиться с тем, что поместье имело натурально-хозяйственную структуру, организацию, поскольку опиралось на натуральные повинности в том или ином отношении зависящих от него крестьянских держаний. Основные потребности удовлетворялись, прежде всего, сельским хозяйством — у крестьян продуктами собственного труда, у помещика оброком или барщиной.

Организация поместного хозяйства предполагала разделение всей земли на господский домен, крестьянские наделы и общинную собственность. Большинство крестьян были обязаны нести повинности (два или три дня в неделю) и выплачивать оброк своему сеньору. Они находились в юрисдикции последнего, могли искать защиты в его суде и были ограничены в своих передвижениях и совершении экономических сделок.

Существовали держания, оброк с которых назначался продуктами промыслов или ремесел, но даже тогда, когда держатель всецело посвящал себя этому занятию, его работа не выходила за пределы поместного хозяйства. Особняком стояла деятельность тех профессиональных ремесленников, которые работали на заказ, обрабатывая полученный от заказчика материал. Такие ремесленники (кузнецы, строители, портные и т.д.) представляли нередко уже входящий извне элемент.

Обмен внутри поместья был развит слабо, что не отрицает, однако, факта существования местных, скромных по своим масштабам рынков, связанных, как правило, с церковными празднествами, скоплением людей. Со временем, право устраивать на своей земле рынки и получать рыночные доходы (штрафы, пошлины и т.д.) стало неотъемлемой частью прав землевладельцев.

Помимо «вертикальных» связей между сеньором и крестьянами заметную роль играли «горизонтальные» отношения в «крестьянском обществе». Находясь под властью круп-

ного землевладельца (и даже нескольких), крестьянин мог быть покровителем или притеснителем других держателей, наемных работников или рабов (рабство сохраняло в Европе значение на протяжении практически всего Средневековья). Отношения внутри крестьянского общества это и взаимная помощь, и эквивалентный обмен, празднества и т.д.

Поместные отношения не привели к разложению земледельческой общины, а лишь изменили ее характер, сделав, крепостной. Крестьянин остался общинником, каким был и в предшествующую эпоху. Изменилась только его личное положение, и его общинные права подчинились требованиям тех повинностей, какие возлагал на него землевладелец. Сохранились как мелкая и средняя свободная собственность, так и свободные формы аренды земли, не связанные с поместьем.

Традиционная организация поместного хозяйства не способствовала экономическому росту: изолированное положение сеньорий ограничивало специализацию и разделение труда, замедляло распространение технологических новшеств.

Особо подчеркнем, что в рамках поместных институтов земля и труд являлись неотъемлемой частью, прежде всего, социальной организации. Земля как главное средство производства была основой судебной, административной и политической системы, однако, решение вопросов отчуждения ее (в чем находило свою реализацию право собственности) было, как правило, отделено от купли-продажи и подлежало совершенно иной институционализации.

Этот факт является наглядной иллюстрацией «внедренного», «встроенного» состояния экономики средневековья, при котором связи, отношения между людьми в их хозяйственной деятельности еще не воплотились в институтах, специально предназначенных для организации экономической деятельности. Выполнение чисто экономических функций было одновременно выполнением функций, относящихся другим подсистемам общества.

Возникновение и распространение феодальных институтов («сеньориальная революция») современная историческая наука связывает с прогрессивным укреплением королевской и княжеской власти после XII в., с процессом политического подчинения мира сеньоров новым политическим лидерам средневековой Европы. В процессе феодализации, т.е. ходе признания верховных прав короля или князя сначала высшей, а затем и средней земельной аристократией, возникла совершенно новая структура общества, устойчивая иерархия сеньоров (от лат. *senior* — старший) и вассалов (от лат. *vassal* — верный).

Феод, под которым понимается земельное владение, на определенных условиях пожалованное сеньором вассалу и населенное зависимыми крестьянами, повинности которых служили материальной основой исполнения им вассальной (главным образом, военной) службы, не был результатом реальных процессов перераспределения земли. Земельные владения знати превращались в феоды путем признания ею нового политического подданства. Став феодом, т.е. земельным владением, хотя и обусловленным обязанностью службы, но по существу наследственным и свободным, подлежащим отчуждению по воле владельца, поместье (сеньория) стало основой общественного устройства базирующегося на системе поземельных отношений.

Процесс феодализации изменил и природу сеньориальной власти над крестьянами: положение последних определяется уже не столько их отношением к власти, сколько статусом их земли. Началось медленное движение от самодостаточного поместья, использовавшего труд рабов, крепостных и свободных крестьян, к рыночно ориентированному хозяйству, где землевладелец и крестьянин связаны уже не столько традиционными правами и обязанностями, сколько появляющейся системой прав собственности.

Особую роль в функционировании и трансформации средневекового общества играл город, природа которого по существу весьма далека от феодализма. На аграрное пространство Запада (подавляющая часть населения которого жила в деревнях) в период позднего средневековья была наложена плотная сеть городских и полугородских поселений. Именно появляющиеся на пространстве Европы города стали очагами быстрых экономических и политических изменений.

Выделение города из аграрной среды было обусловлено процессами, протекавшими в деревне, для которой характерны:

- рост населения;
- рост крупной земельной собственности;
- избыток сельскохозяйственной продукции;
- подъем доходности хозяйств;
- ослабление рабской и полу рабской зависимости;
- повышение мобильности населения;
- втягивание крестьянства в рыночные отношения.

Рост населения деревни и повышение мобильности ее жителей делали необходимым и возможным отток избыточных рабочих рук в города, жители которых становились потребителями сельскохозяйственной продукции, получая ее в обмен на продукцию ремесленного производства.

Город вписывался в общую экономическую систему средневековья, был ее необходимым составным элементом. Даже в случае «поляризации» города и деревни, резкого отделения ремесла от сельского хозяйства, хозяйственная деятельность городских жителей определялась средневековыми экономическими принципами, осуществлялась не ради производства прибавочного продукта, а ради простого воспроизводства, поддержания сложившегося уровня жизни.

При всей своей включенности в феодальную систему, город (вырастал ли он из средневекового поместья, общины, церковно-монастырского центра, купеческого поселения и

т.д.) противостоял деревне, и в этом смысле создавал предпосылки разложения сеньориальных порядков.

Город характеризовался, на первых порах относительной, а в дальнейшем все большей экономической свободой, отличавшей его не только поместья, но и от раннесредневекового рыночного места, поселения «бродячих» купцов и ремесленников. И эта экономическая свобода была связана с тем, что город стал центром сосредоточения специализированного ремесленного производства, ориентированного на рынок.

Основные историко-экономические подходы

А. СМИТ: ТЕОРИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА, ОСНОВАННОГО НА ОБМЕНЕ

А. Смита (1723–1790) можно с полным основанием назвать первым экономистом, предложившим в своем «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776) экономическую теорию исторических изменений. Исходным постулатом теории разделения труда на основе торговли, служит утверждение Смита о природной склонности человека к обмену.

«Разделение труда ... отнюдь не является результатом чьей-либо мудрости, предвидевшей и осознавшей то общее благосостояние, которое будет порождено им: оно представляет собою следствие — хотя очень медленно и постепенно развивающееся — определенной склонности человеческой природы, которая отнюдь не имела в виду такой полезной цели, а именно склонности к мене, торговле, к обмену одного предмета на другой ... В нашу задачу в настоящий момент не входит исследование того, является ли эта склонность одним из трех основных свойств человеческой природы, которым не может быть дано никакого дальнейшего объяснения, или, что представляется более вероятным, она является необходимым следствием способности рассуждать и дара речи. Эта склонность обща всем людям...» (Смит А.).

Именно на этой посылке о природной склонности человека к обмену Смит строит все последующие рассуждения об общественном разделении труда: уверенность человека в возможности обменять излишек продукта своего труда, превышающий собственное потребление, на часть продукта

труда других людей, выступает побудительным мотивом к специализации занятий, не только создает, по его словам, «различие способностей», но и «делает это различие полезным». Экономическая система, по сути своей, это обширная сеть связей между специализированными производителями, продукты которых, благодаря все той же склонности к обмену, «собираются в общую массу», из коей каждый человек имеет возможность «купить себе любое количество произведений других людей, в которых он нуждается».

Поскольку сама возможность обмена ведет к разделению труда, степень (уровень и сложность) последнего, по словам Смита, ограничивается пределами этой возможности обмена, т.е. размерами рынка — тем объемом продукта человеческого труда, который может быть продан на рынке.

«Когда рынок незначителен, ни у кого не может быть побуждения посвятить себя целиком какому-либо одному занятию ввиду невозможности обменять весь излишек продукта своего труда, превышающий собственное потребление, на нужные ему продукты труда других людей» (Смит А.).

Рынки, на взгляд Смита, выступают не только средством достижения определенных целей. Они являются и институциональным воплощением добровольных процессов обмена, в которые вступают люди для извлечения всесторонних выгод. Рынок создает стимулы и условия для повышения благосостояния людей. Рыночные институты, однако, встроены в более широкое общественное пространство. Поэтому Смит по ходу изложения выявляет разнообразные материальные и институциональные предпосылки для роста благосостояния общества.

Уже в третьей главе книги первой «Исследования о природе и причинах богатства народов» Смит предпринимает исторический экскурс, призванный убедить читателя в преимуществах, что сулят разделению труда и совершенствованию различных промыслов водные пути, открывающие людям «обширный рынок». Не случайно он называет «первыми носителями цивилизации» народы, населявшие берега Средиземного моря, обширность и доступность для которых водных путей, способствовали бурному развитию у них земледелия и промышленности. В третьей же книге Смит фактически изложил краткую историю экономики Европы, начиная с падения Римской империи. В этом смысле она стала историческим «приложением» аналитической схемы Смита, представленной в двух первых книгах.

Историческое восхождение народов, по мнению Смита, сопровождается разделением труда, обусловившим все серьезные увеличения его производительности. «Главный

товарообмен» в «развитом обществе» осуществляется между жителями города и деревни. Деревня обеспечивает город продовольствием и сырьем для последующей промышленной переработки. Город оплачивает эти поставки частью продукции промышленного производства. Город, не производящий продуктов питания, по мысли Смита, нуждается в деревне, что, однако, не является основанием для вывода о получении им односторонних преимуществ из обмена.

«Выгоды их обоюдны и взаимно обусловлены, и разделение труда в данном случае, как и во всех других, выгодно всем лицам, посвящающим себя различным занятиям, на которые труд подразделяется. Жители деревни покупают у города большее количество промышленных изделий в обмен на продукт гораздо меньшего количества их собственного труда, чем сколько им пришлось бы затратить в том случае, если бы они пытались сами производить эти изделия. Город служит рынком для избыточного продукта деревни, для тех продуктов, которые превышают нужды потребления земледельцев; в городе жители деревни обменивают этот избыточный продукт на какие-нибудь товары, нужные им. Чем многочисленнее население города и чем больше его доход, тем обширнее рынок сбыта, предоставляемый для жителей деревни, а чем обширнее этот рынок, тем это всегда выгоднее для большого числа лиц» (Смит А.).

Наиболее благоприятные условия для развития рыночных связей создавались в городах, которые увеличивали и концентрировали спрос, упорядочивали и интенсифицировали обмен, способствовали развитию денежного хозяйства. Разрушение античных городов племенами варваров, не знавшими городской жизни, привело к падению Римской империи, достигшей значительных успехов в развитии торговли и денежного обращения. На долгие столетия Европа погрузилась в сельскую жизнь, охваченную, главным образом, натурально-хозяйственными, крайне, по мнению Смита, неэффективными, связями.

«Когда германские и скифские племена наводнили западные провинции Римской империи, смута и замешательство, последовавшие за столь глубокой революцией, не прекращались в течение нескольких столетий. Грабежи и насилия, которым варвары подвергли коренное население, прекратили товарообмен между городами и деревней. Города обезлюдели, а земли оставались невозделанными, и западные провинции Европы, при римском господстве пользовавшиеся значительной степенью благосостояния, погрузились в самую глубокую нищету и варварство... громадные пространства необработанных земель сосредоточились в руках отдельных фамилий...

Между тем редко бывает, чтобы крупный землевладелец являлся вместе с тем деятельным проводником значительных улучшений. В смутные времена, породившие этот варварский институт, крупный землевладелец был достаточно поглощен защитой своих собственных владений или распространением своей юрисдикции и власти на владения своих соседей... Если мало улучшений приходилось ждать от таких крупных землевладельцев, то еще меньше надежд можно было возлагать на тех, кто жил их на земле» (Смит А.).

Начавшийся после X в. процесс возрождения городов оказывал разлагающее действие на натуральную помещичью систему. Продукты, полученные в результате разделения труда между городом и деревней, искали сбыта, как на городских рынках, так и за их пределами. Города, ставшие местом сосредоточения торговли, вовлекали в ее орбиту деревню. Вовлеченность землевладельцев и крестьян в торговые, денежные отношения вела к замене натуральных повинностей денежной рентой, к ослаблению, а затем и отмене крепостной зависимости.

«... то, чего никогда не могли бы сделать при всей своей принудительности феодальные учреждения, было постепенно осуществлено бесшумным и незаметным действием внешней торговли и мануфактур. Они стали постепенно снабжать крупных землевладельцев чем-то таким, на что они могли выменивать весь избыточный продукт своих земель и что они могли потреблять сами, не делясь со своими держателями или приближенными...

Когда, таким образом, стали постепенно возрастать личные издержки крупных землевладельцев, не могла не сокращаться столь же постепенно численность их дворни и свиты, пока они под конец совсем не распустили их. Та же самая причина постепенно заставила их отпустить излишнюю часть своих держателей. Они увеличивали размеры ферм, и количество фермеров, несмотря на жалобы на обезлюдение, было сокращено до числа, необходимого для возделывания земли соответственно низкому уровню культуры и сельского хозяйства в ту пору. Благодаря удалению ненужных ртов и получению от фермера полной стоимости фермы, землевладелец получал больший избыточный продукт или, что то же самое, цену большего избыточного продукта, причем купцы и промышленники скоро предоставили ему возможность затрачивать его на свои личные потребности, как он это делал с остальной частью продукта. И так как те же причины продолжали действовать, он стремился повысить свои доходы сверх того, что могли дать при данном их состоянии его земли. Его арендаторы

могли соглашаться на это только при том условии, что им будет обеспечено обладание их участками на определенное количество лет, в течение которых они смогут вернуть с прибылью все то, что затратят на дальнейшее улучшение земли. Тщеславная расточительность землевладельца побуждала его принимать это условие; так возникла долгосрочная аренда» (Смит А.)

Логику рассуждений А. Смита не сложно продолжить применительно к последующим периодам истории. Все расширяющийся поиск рынков привел к Великим географическим открытиям, результатом которых, в свою очередь, стало установление совокупного географического разделения труда. Важнейшей предпосылкой промышленной революции стала успешная международная торговля Англии, а последствием — ускорение процесса разделения труда и расширение рынка.

Рассмотренная теоретическая модель движимого рынком разделения труда, которую нередко называют «коммерческой», лежит в основании большинства построений современных историков-экономистов.

Источники

✓ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. М.; Л., 1935.

Отношения между горожанами и крестьянами, а также в пределах самого города между отдельными профессиональными группами, резко отличались от отношений, доминировавших в поместье. На первый план вышли связи, носившие возмездный, меновой характер: иногда это еще непосредственный обмен, но чаще уже опосредованный деньгами. Именно эти отношения историко-экономическая наука часто именуется «городским хозяйством», противопоставляя их отношениям царившим в «поместном хозяйстве»,

Поскольку обмен предполагает, что продавец является собственником выносимого на рынок продукта, а в его процессе возможна отсрочка платежа или поставки товара, именно средневековому городу принадлежит если не «авторство», то, по крайней мере, широкое применение двух важнейших экономических институтов — собственности и договора (контракта). В то время как основное средство

производства в деревне — земля, находилась в условном держании непосредственных производителей, в городе сформировался институт фактически абсолютной частной собственности на средства производства (капитал) и городскую недвижимость.

Рынок был не только основным элементом, без которого город был бы невозможен, не только условием существования и развития ремесла и торговли, но и прообразом возникающего города. С превращением рыночного места, других зачаточных форм рынка, в постоянный, непрерывный рынок, то есть в город, последний унаследовал от него все основные институты (право, суд, охрана и т.д.).

Благодаря экономическим и политическим (в результате так называемых «коммунальных революций» XI–XII вв. многие города вышли из-под юрисдикции сеньора, на земле которого они располагались) свободам, с одной стороны, установлению регулярного обмена с деревенской округой — с другой, город превратился в центр данной округи, образовал целостную в хозяйственном отношении единицу — «городское хозяйство». Последнее несло на себе многие черты аграрно-сеньориальных порядков, напоминало «поместное хозяйство» своей экономической замкнутостью, которая, однако, не была абсолютной, нарушалась междугородской и международной торговлей.

Формы организации ремесла и торговли _____

В эпоху средневековья ремесло оставалось наиболее распространенным промышленным институтом. В большинстве случаев ремесло представляло собой семейное производство. В мастерской ремесленника вместе с ним трудились члены его семьи, хотя нередко к ним присоединялись несколько сторонних учеников («подмастерьев»). Реализация продукции осуществлялась на рынке непосредственно потребителю или купцу-скупщику.

Как уже отмечалось, средневековая собственность имела условный характер: ее формы были обусловлены сословными правообязанностями, межсословными договорами, принимали личностный характер. Способом распределения собственности, продуктов труда служила определенная социальная иерархия (сеньоров и вассалов), которая с распространением рыночных отношений стала принимать охранительные меры, направленные на защиту интересов отдельных групп, корпораций (от лат. «corporation» — объединение), входивших в нее.

Ремесло средневековых городов было организовано по корпоративному принципу. Все ремесленники одной профессии объединялись в цехи, которые объединяли людей, но не производства, поскольку каждый мастер имел свою мастерскую. Цеховые уставы, выработывавшиеся мастерами, декларировали равенство всех мастеров и монополию цеха на производство определенного вида товаров. Цехи (мастерства, братства и т.п.), являвшиеся главными экономическими институтами города, следили за ассортиментом, качеством и количеством производимого членами цеха товара, ограничивали размеры мастерской, число подмастерьев, количество станков, продолжительность рабочего дня, количество приобретенного сырья и т.д.

Корпоративная (цеховая) организация ремесла устанавливала связи между всеми объединениями, входившими в состав городской общины, создавала разделение труда между ними, поскольку закрепляла за каждым определенную отрасль производства, в которую не мог вторгаться никто другой.

Замкнутость цехов как хозяйственных ассоциаций обуславливалась, прежде всего, экономическими причинами: недостаточностью, ограниченностью местного городского рынка. Незначительная численность городского населения и низкая покупательная способность крестьянского населения округа ограничивали на спрос на изделия ремесла.

Городское купечество также было организовано в корпорации, чаще называемые гильдиями (от нем. Gilde — корпо-

рация, цех). Купечество объединялось по принципу объекта торговли, направления своих торговых маршрутов, по степени состоятельности. Гильдии владели значительной собственностью, главным образом, имуществом торговых центров и денежными средствами для оказания помощи членам этой хозяйственной ассоциации. Как экономический институт гильдию отличало фактически принудительное членство: в корпорацию должен был вступить каждый, желавший торговать на определенном рынке.

Поскольку в пределах «городского хозяйства», имевшего тенденцию быть замкнутой хозяйственной единицей, не оставалось места торговому посредничеству, так как ремесленные цехи сами сбывали свой товар, в руках гильдий находилась, прежде всего, междугородская (межрегиональная) и международная торговля. Первая была обусловлена неравномерным распределением природных ресурсов, специализацией городского ремесла, вторая — потребностями в «заморских товарах», престижного потребления. И та, и другая руководствовались уже не только возникающими потребностями (в продовольствии, тканях и т.п.), но и спекулятивными соображениями (посредничество).

В области международной торговли сложились традиционные торговые пути. Развитие первого получило толчок в эпоху крестовых походов, когда на Средиземном море завязывались устойчивые отношения христианского Запада и арабо-мусульманского Востока. Вплоть до конца XV в. Средиземное море открывало путь купечеству итальянских, каталонских и южно-французских городов в страны Востока. Другой торговый путь, шедший через северные моря — Немецкое (Северное) и Балтийское, связывал купечество европейских стран. Торговое посредничество осуществлялось купечеством северогерманских городов, в течение XIII века объединившимся в международную гильдию — Ганзейский союз (от нем. Hanse — товарищество, союз). Связь между «южным» и «северным» морскими путями установилась на ярмарках в Шампани, которая с середины XII в. до сере-

дины XIV в. являлась центром не только европейской, но и мировой торговли.

Ярмарке (от нем. *Jahrmarkt* — ежегодный рынок) как основному торговому институту средневековья, концентрирующему спрос и предложение по месту и времени, были присущи следующие черты:

- периодичность;
- незначительность размеров торгового оборота;
- немногочисленность объектов обмена;
- приобретение товаров после их предварительного осмотра, определения количества и качества.

Со временем единая «мировая» ярмарка распалась на ряд локальных: крупными торговыми центрами, обслуживающими потребности отдельных европейских регионов, стали: Венеция, Женева, Брюгге, Франкфурт-на-Майне. Левантская (от франц. *Levant* и итал. *Levante* — Восток) торговля сосредоточилась в руках Венеции, Генуи, Флоренции, а северная — Гамбурга, Данцига, Любека.

Институты денежного рынка

В течение длительного времени деньги выступали не столько орудием обмена, сколько платежным средством для уплаты повинностей, дани, торговых сборов и т.д. В процессах купли-продажи на «поместных» рынках обнаруживались лишь зачатки кредита, когда лицо, получившее вещь в качестве эквивалента, не становилось ее собственником в течение определенного срока, а отдавшее — сохраняло право заменить свой «товар» другим.

Торговля средневековья была слабо специализированным занятием. Если отдельные виды ремесла, ремесло и торговля были отделены друг от друга корпоративной организацией, то оптовая и розничная торговля, денежные и кредитные операции, откуп податей и монеты и т.д., — тесно связаны и производились одними и теми же лицами. Лишь

к концу XV века ослабла связь между торговлей товарами и торговлей деньгами, так что в течение всего средневековья торговля деньгами (кредит) была лишь одним из видов торговой деятельности. Тон в ней задавали итальянские купцы, положившие начало многим формам организации современной торговли и банковской деятельности, вплоть до XVI в. господствовавшие на европейских ярмарках Шампани, Женева, Брюгге, Антверпена и др. городов.

Удачное сочетание целого ряда факторов способствовало выдвиганию Италии на первое место в экономической жизни Европы. К ним относится наличие большого количества городов, сохранившихся с римских времен, а также римских традиций в области товарно-денежных отношений. Не случайно от латинского слова «banco» — лавка менялы берет начало современное слово «банкир», который первоначально и был менялой, осуществлявшим обмен или размен монеты. Промысел, возродившийся в Европе в связи с обращением на рынках многочисленных видов монет, постоянной их заменой, фальсификацией и т.д.

Условиями денежного обращения объясняется появление еще одной операции менялы-банкира: перевода денег по книгам, с целью избежать уплаты наличной монетой. Производился перевод посредством переноса сумм в торговых книгах со страницы платящего на страницу получающего. Такая операция практиковалась с XIII века на ярмарках в Шампани, где по окончании торгов платежи производили посредством зачета и перевода по книгам, в которых указаны были дебет (от лат. *debet* — он должен) и кредит (от лат. *credit* — он верит), и только разница выплачивалась наличными.

В области морской торговли возникло новое платежное средство — вексель (от нем. *Wechsel* — обмен). В средние века под этим словом понимали обмен или размен денег, различая два вида последнего. С одной стороны, это означало непосредственный обмен одной монеты на другую, совершаемый менялой в том же месте немедленно (*Hand Wechsel* —

из рук в руки). А с другой стороны, существовал обмен или размен, но в другое время и в другом месте.

Вексель, однако, был лишь «торжественным обещанием платежа». Поэтому в дополнение к нему уже в XIII в. появляется тратта (от лат. «tracta» — письмо), т.е. «письменный приказ платежа» или переводной вексель, который направлялся доверенному лицу, находившемуся в месте назначения, который и должен был произвести уплату по векселю. Его именовали «трассатом», а всю операцию — трассировать векселя. Вместе с траттой появляются институты акцепта — заявления трассата о готовности заплатить по векселю, и протеста, т.е. заявления об отказе сделать это, которые фиксировались на самом векселе.

Распространение вексельного обращения и развитие механизмов ведения торгов потребовало появления таких экономических организаций как ярмарки, банки и финансовые дома. Историко-экономическая наука называет нередко произошедшие еще в средневековье изменения «коммерческой революцией».

Кредитные операции осуществлялись в формах: поземельного кредита (купли-продажи ренты), когда владелец земли, получивший под нее денежную сумму, отдавал кредитору, вплоть до возвращения последней, доходы (ренту) со своей земли; отсрочки платежа по купленным товарам; займов государям, папам, вельможам, городам на потребительские и производственные нужды; морского займа в различных его видах.

Изменение феодального уклада _____

Фактором, сыгравшим важную роль в изменении феодального уклада, историко-экономическая наука считает рост населения. Значительные изменения в численности населения, как уже отмечалось, обусловили возникновение городских поселений, рост торговли, расширение рынков, развитие денежных отношений.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЪЯСНЕНИЯ ИСТОРИИ Т.Р. МАЛЬТУСА–Д. РИКАРДО

Т.Р. Мальтус (1766–1834) — автор теории народонаселения в своих работах утверждал, что аграрные общества, обладающие ограниченными ресурсами земли и примитивными способами ее обработки, неизбежно войдут в противоречие с верхним пределом численности населения. Аграрные общества не в состоянии значительно и быстро увеличивать производство средств существования — продовольствия, поскольку ресурсы земли ограничены, а технические усовершенствования в сельском хозяйстве происходят крайне медленно. В то же время, численность населения растет более быстрыми темпами, значительно превышающими возможности земледелия прокормить избыточное население.

«Рассматривая различные периоды существования общества, нетрудно убедиться, с одной стороны, в том, что человечеству присуще постоянное стремление к размножению, превышающему средства существования, с другой стороны — что эти средства существования являются препятствием к чрезмерному размножению» (Мальтус Т.Р.)

Он показывает, что вплоть до того времени, когда он писал свой «Опыт о законе народонаселения» (1798), ни одна страна не в состоянии была обеспечить себя достаточным объемом средств существования после того, как ее территория оказалась густо заселена. Быстрый рост численности населения, утверждал Мальтус, не приводил к пропорциональному возрастанию продукта, отдаваемого природой. Объемы продовольствия растут более медленными темпами (для наглядной демонстрации этого он писал о возрастании производства в арифметической прогрессии), нежели численность населения (возрастающего в геометрической прогрессии). Даже в такой стране как Англия удвоения рабочей силы недостаточно для удвоения продукта земли. Тенденция убывающей отдачи, которая подразумевается во всей системе его доказательств, начинает действовать резко, после того как продукт земли удвоится: учетверенное количество труда едва ли утроит его, восьмикратное количество труда не приведет и к четырехкратному увеличению продукта.

Идеи Мальтуса были восприняты другим экономистом классической школы Давидом Рикардо (1772–1823), включившим эти положения в теории заработной платы и ренты, вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской. Рикардо различал два типа реакции сельскохозяйственного производства на рост численности населения. Одна из них — это экстенсивный рост, т.е. вовлечение в сельскохозяйственный оборот новых земель, которые, как он полагал, будут приносить все меньшую отдачу на вложенный труд и капитал, поскольку их почва будет хуже, чем на уже обрабатываемых землях, и эти участки будут более отдаленными. Другой — интенсивный — путь заключается в более интенсивной обработке существующих сельхозугодий, в повышении урожайности земель. Но и этот путь, на взгляд Рикардо, неизбежно ведет к убывающей отдаче. В обоих случаях каждый новый прирост продукта земли обходится все дороже и дороже, а потому хлебные цены имеют тенденцию к постоянному росту.

Результатом обоснования и обобщения концепции убывающей отдачи земли стала теория ренты Рикардо. Поскольку при увеличении потребности населения в хлебе в обработку вовлекается новый участок земли, где почва менее плодородна, цену хлеба будут регулировать издержки «худшего» по качеству земли участка, в результате чего на «лучших» землях образуется «рента» — разность между рыночной ценой продукта земли и издержками его производства. Ренту присваивает землевладелец как плату земледельца за пользование «плодородящей силой земли», принадлежащей первому. Следствием роста населения является, таким образом, не только хлебных цен, но и рентных платежей:

«...рента всегда платится за пользование землей только потому, что количество земли не беспредельно, а качество ее не одинаково, с ростом же населения в обработку поступает земля низшего качества или расположенная менее удобно. Когда с развитием общества поступает в обработку земля второго разряда по плодородию, на земле первого разряда тотчас возникает рента, и величина этой ренты будет зависеть от различия в качестве этих двух участков» (Рикардо Д.).

Заработную плату Рикардо также «привязывает» к ценам на хлеб. Тенденция к их постоянному росту приводит к росту номинальной заработной платы (денежных выплат), что не означает роста реальной заработной платы — ибо растут цены на предметы жизненного потребления рабочих. Покупательная способность заработной платы не увеличи-

вается. Жизненный уровень рабочих снижается, поскольку рост заработной платы отстает от более быстрых темпов роста хлебных цен. Потребление снижается до крайней черты прожиточного минимума.

Таким образом, Рикардо, как и Мальтус, полагал, что рано или поздно наступит период, когда снижение реальной заработной платы, увеличение ренты и уменьшение душевого потребления продуктов питания остановят дальнейший рост численности населения. Фактически, и Мальтус, и Рикардо изначально говорили о повторяющихся колебаниях численности населения, о демографических циклах. Колебания численности населения сопровождаются колебаниями цен, земельной ренты и реальной заработной платы: рост населения вызывает рост цен и рент и падение реальной заработной платы и потребления. Когда потребление становится ниже прожиточного минимума, начинается кризис и численность населения снижается, цены падают, потребление возрастает.

В результате осуществленных в XX в. исследований математическими методами было подтверждено наличие постулированной Мальтусом и Рикардо тесной связи между темпами роста населения, ценами и реальной заработной платой вплоть до времен индустриализации. Однако после того как английская индустриализация сделала заметные успехи и был налажен массовый ввоз продовольствия из других стран в обмен на промышленные товары, эта корреляция исчезла, то есть сфера приложения мальтузианско-рикардианской теории ограничена традиционным аграрным (допромышленным) обществом.

Несмотря на все еще продолжающееся обсуждение механизмов демографического процесса, ученые в целом согласны с тем, что касается периодизации колебаний численности населения в европейской истории. Известный французский историк Фернан Бродель писал по этому поводу:

«С XV по XVIII в. население то увеличивается, то уменьшается и все изменяется. Если людей становится больше, происходит и увеличение производства и обмена; расширяется земледелие на целинных, лесистых, болотистых, гористых землях. Наблюдается рост мануфактур, увеличение размеров деревень и еще чаще — городов; возрастают масштабы передвижения людей ... Однако не будем безоговорочно превозносить демографические подъемы. Они бывали то благотворными, то вредоносными. Растущее население обнаруживает, что его отношения с пространством, которое оно занимает, с теми богатствами, которыми оно располагает, изменились... возрастающая демографическая

перегрузка нередко заканчивается — а в прошлом неизменно заканчивалась тем, что возможности общества прокормить людей оказываются недостаточными... демографические подъемы влекут за собой снижение уровня жизни, они увеличивают и без того всегда внушительное число недоедающих нищих и бродяг. Эпидемии и голод — последний предшествует первым и сопутствует им — восстанавливают равновесие между количеством ртов и недостаточным питанием, между спросом и предложением рабочей силы...

Если необходимы какие-либо конкретные данные, касающиеся Запада, то я бы отметил длительный рост населения с 1100 по 1350 г., еще один с 1450 по 1650 г., и еще один, за которым уже не суждено было последовать спаду, — с 1750 г. Таким образом, мы имеем три больших периода биологического роста, сравнимые друг с другом. Но за двумя первыми, в самой середине исследуемой эпохи, следуют спады — крайне резкий с 1350 по 1450 г. и менее резкий — скорее замедление темпов роста, чем спад, — с 1650 по 1750 г.» (Бродель Ф.).

Работы приверженцев демографического объяснения истории, позволили по-новому взглянуть на многие проблемы истории экономики. Прояснилась связь экономики с ростом населения: было показано, что рост населения служил движущей силой роста экономики, что увеличение численности крестьян заставляло их производить распашки и осваивать новые земли; безземельные крестьяне уходили в города, что приводило к росту городов и ремесел. Сокращение численности населения, в свою очередь, вело к запустению деревень и сокращению пахотных земель. Но главное, колебания численности населения оказывали решающее влияние на формы хозяйственной организации людей, на важнейшие параметры их экономической деятельности.

Источники

- ✓ Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики: в 2-х т. М., 1993. Т. 2.
- ✓ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Рикардо Д. Сочинения. М., 1955. Т. 1.
- ✓ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности. М., 1986.

Развитие денежного хозяйства произвело изменения в сеньориальных порядках деревни: оброки, повинности, подачки крестьян стали приобретать денежную форму. Масштабы

собственного хозяйства (господской земли) при реализации его продуктов на рынке не давали в распоряжение помещика необходимых денежных средств (для платежей, покупок ремесленной продукции, престижного потребления и т. д.), что подталкивало его к замене натуральных повинностей крестьян денежными (коммутация, от лат. *commutare* — менять, переменять), заставляя уже последних выносить продукты своего хозяйства на рынок. Эти изменения отразились на положении крестьян, облегчая крепостную зависимость, возвращая их в состояние лично свободных арендаторов помещичьей земли и даже землевладельцев.

Демографический спад в четырнадцатом веке, ставший следствием эпидемии чумы (которая в 1347–1350 гг. унесла только в Англии жизни половины населения), повлек за собой уменьшение численности городского населения, сокращение объемов торговли, доходов казны и т. д. Однако, уменьшение численности населения оказало гораздо большее воздействие на сельскохозяйственную организацию: труд, став редким ресурсом, усилил конкуренцию среди землевладельцев, что в результате привело к изменению в организации помещного хозяйства, да и сельского хозяйства в целом.

В Англии, например, крестьянство которой ранее других стран Европы освободилось от личной зависимости, уже в XIII–XIV вв. земля свободного держателя принадлежала не семье, а отдельному человеку (включая женщин), который мог распоряжаться ею по своему усмотрению. Получила распространение не только долгосрочная аренда, но и торговля землей, главным образом, среди крестьян, поскольку обладание землей для аристократии было отличительным признаком их социального статуса, с которым не расставались за деньги.

Такова была общая тенденция развития, хотя эволюция феодальных порядков была в различных странах неодинакова, поскольку перечисленные факторы действовали с разной интенсивностью и к ним присоединялись другие, задерживавшие развитие или отклонявшие его в ту или иную сторону.

Основной отраслью хозяйства в киевский период русской истории оставалось собирательство (охота, бортничество). Преобладающей формой организации последнего была семья, тесный родственный союз, не распадавшийся даже после смерти родоначальника.

С IX в. началось распространение кочевого «подсечно-огневого» земледелия: крестьяне расчищали лес и поджигали поваленные деревья и кустарник; когда пламя спадало, они вносили семена в удобренную золой землю. По мере истощения почвы они переходили на другой участок леса.

Для кочевого земледелия характерно вольное (захватное) землевладение. Отдельные семьи на время (как правило, на год) «зачерчивали» себе, посредством зарубок на деревьях, очередные участки для обработки, не подлежавшие на этот период захвату со стороны других семей. Непахотные же угодья находились в совместном владении ряда родственных семей (вервь). Распространение кочевого земледелия не способствовало развитию института частной собственности на землю, поскольку приоритет принадлежал присвоению продукта сельскохозяйственного труда, но не условий его производства. Заметим в этой связи, что историко-экономическая наука считает обилие земли главным препятствием на пути развития в России тех экономических институтов, которые много раньше возникли в Европе, страдавшей от ее недостатка. В частности, казавшиеся неисчерпаемыми на протяжении большей части отечественной истории земельные ресурсы формировали убеждение, что природные ресурсы являются общей собственностью.

В противоположность кочевому земледелию и вольному землевладению в X–XI вв. стало складываться оседлое землевладение крестьян (смердов), князей, бояр и монастырей, отличавшееся большей прочностью и определенностью границ. Такие хозяйства характеризовались уже использованием несвободного (рабы — холопы) или полусвободного

(ролейные закупы — обязавшиеся отработать долг на пашне) населения.

С большой долей уверенности можно утверждать, что оседлой и оседлого земледелия были семейные крестьянские хозяйства. Крестьянские поля передавались по наследству сыновьям, поровну деливших их между собой. Свобода отчуждения земли ограничивалась не только патриархальным характером собственности, но и общиной, которая считала пахотные земли деревни общей собственностью.

Русская историко-экономическая наука нередко объясняет возникновение княжеской, боярской и монастырской форм землевладения влиянием быстро растущей внешней торговли Киевской Руси, доходы от которой, оседая в руках князей, бояр и духовенства, давали возможность приобретать рабов, закабалить свободных крестьян, прибирать к рукам их земли, обрабатывать обширные земельные владения — вотчины (переходящие по наследству земли).

Действительно, древняя Россия сумела найти свою нишу в торговле раннего средневековья, приносившую доходы в течение нескольких столетий. Развитие торговли можно объяснить малой привлекательностью территории с точки зрения развития земледелия: коротким периодом сельскохозяйственных работ; недостатком плодородной почвы; мобильностью рабочей силы; и т.д. Россия занималась транзитной торговлей между Западной Европой и Востоком по двум торговым путям (через Волгу в тюрко-арабский мир и через Днепр в Византийскую империю), ставшим актуальными вследствие мусульманского завоевания Средиземного моря, разорвавшего торговые связи Европы с Ближним Востоком.

Во многом именно благодаря разрушению системы транзитной торговли (в результате регулярных набегов тюркских племен) экономика была переориентирована на развитие оседлого земледелия, в результате чего в России стал складываться институт земельной собственности: князья стали

суверенными правителями, рассматривавшими свои княжества как наследственные вотчины.

Однако в рамках данного периода в России не наблюдается еще столь характерного для Западной Европы развития форм зависимого временного и условного владения землей.

Начало процессу феодализации общества было положено в период удельной Руси (от понятия «удел» — земля или иной источник дохода, выделяемый правителем на жизнь своим потомкам). При этом новые, по сравнению с киевским периодом, порядки распространились лишь на территории центральных районов (область верхней Волги и Оки). В то время как аграрная сфера северных районов России была еще во власти кочевого «подсечно-огневого» земледелия, фактически не знала иной, кроме захватной, собственности на землю. Лишь к концу XV—началу XVI вв. здесь начала складываться соседская община с пределами пахотной земли, с отчуждением права на долю, принадлежащую отдельным ее членам. Позднее и такие союзы распадаются, земля делится окончательно, без дальнейшего передела.

В центральных районах России в удельный период ее истории различались четыре вида земель:

- княжеские (дворцовые) земли, с которых поступали доходы княжеского дома;
- «белые» (т.е. фактически не облагавшиеся налогами) церковные земли, отданные в постоянное владение духовенству;
- «белые» дворянские земли, отданные в постоянное владение родовитым людям (боярам), обязанным нести службу;
- «черные» крестьянские земли, которые были обременены повинностями (тяглом) и которые часто меняли статус, вследствие передачи их церкви или боярству.

Если вплоть до XIII века небольшие размеры княжеских хозяйств позволяли организовывать их по типу частновладельческих, обрабатывая землю руками несвободной челяди — холопов, то по мере территориального роста владений

совершался переход к оброчному труду. Это стало результатом изменения характера «черных» крестьянских земель, которые индивидуальными усилиями последних были приведены в годный для обработки вид и которые, в силу этого, могли быть ими проданы, подарены, заложены и т. д. Однако в XII–XIII вв. такие земли не только по титулу, но и фактически стали княжескими, боярскими (процесс получил название «окняжения», «обояривания» крестьянских земель), так как на них было возложено податное бремя. Прежние свободные владельцы превратились в экономически зависимых от новых верховных собственников держателей земель, несущих повинности (оброк).

Князья, рассматривавшие землю как свою частную собственность, начали раздавать ее во временное и условное держание, что делало возможным вознаграждать слуг за службу землей, не теряя при этом последней и снимая с себя заботу об ее эксплуатации. Со временем этому примеру последовали бояре и монастыри, раздавая большую часть своих владений в поместное держание. Первый, зафиксированный в источниках, случай вознаграждения за службу землей относится к XIV веку.

Вотчинные земли бояр и церкви первоначально представляли собой собственность на правах аллода, т. е. безусловную собственность, каковой она оставалась до конца XV в., когда начался процесс превращения аллодиальной собственности в держания, обусловленные несением государственной службы. Такая своеобразная «национализация» боярских вотчин шла в течение XVI–XVII вв. (Аналогичная участь в XVIII веке постигла и земли монастырей).

Историко-экономическая наука находит в аграрных институтах удельной Руси много аналогий с феодальными институтами средневековой Европы (боярский самосуд — иммунитет, закладничество — коммендация, поместье — бенефиций и т. д.), однако не отождествляет их, считая начавшийся в удельный период отечественной истории процесс феодализации не завершенным.

Особое место в хозяйственном развитии России в удельный период занимала северо-западная область (новгородско-псковская земля), где земледелие играло незначительную роль по сравнению с присваивающим хозяйством, животноводством и торговлей. Последняя носила преимущественно посреднический характер, связывая центральные области России с западноевропейскими городами ганзейского союза. Благодаря крупным денежным средствам, полученным в торговле или ссудными операциями, со временем получило развитие и в этом регионе крупное (боярское, монастырское) землевладение. Однако доминирующее положение среди форм землевладения продолжала сохранять в течение всего рассматриваемого периода соседская община.

Таким образом, в России в XIV–XV веках существовало несколько форм землевладения и землепользования:

- вотчинное, охватывавшее земли принадлежавшие частным лицам или монастырям;
- условное (поместное), распространявшееся на земли, пользование которыми обуславливалось несением повинностей (службы);
- общинное, объединившее земли, находившиеся в пользовании у крестьян.

При этом отчетливо обозначилась основная тенденция в их развитии — «огосударствление» боярских и монастырских земель, с превращением их собственников в держателей царской земли.

Таким образом, развитие земельной собственности в России в рассмотренный период шло в ином, нежели на западе Европы, направлении. В то время, когда в Европе преобладало условное владение землей в форме поместья (сеньории, манора), в России существовала полная земельная собственность (вотчинная, аллодиальная). И напротив, когда условное держание в Европе сменилось полной собственностью на землю, в России вотчинное владение уступило место царскому поместью.

Существенные отличия наблюдаются и в развитии «городского хозяйства». За исключением Новгорода и Пскова города, подобные европейским, в рассматриваемый период не появились. Русские города были преимущественно административно-политическими и военными образованиями, не отличавшимися от деревни своим экономическим устройством. Они относились по своему статусу к «черным» землям. Земля под городской недвижимостью входила в состав вотчины или поместья, а обладание ею предполагало несение службы.

Ключевые понятия темы

Акцепт; аллод; бенефиций; вассал; вексель; вервь; вотчина; гильдия; дебет; закладничество; иммунитет; коммундация; коммутация; концепция убывающей отдачи земли; корпорация; кредит; марка; поместье; прекарий; протест; ролейный закуп; сеньор; теория народонаселения; теория ренты; тратта; феоде; ярмарка.

Вопросы для обсуждения и проверки

1. Какие аграрные отношения доминировали в период средневековья?
2. Назовите основные характеристики поместья как экономического института.
3. Расскажите о демографической модели объяснения истории Т. Мальтуса.
4. Когда и как возникли феодальные институты?
5. Каково содержание предложенной А. Смитом теории исторических изменений?
6. Как было организовано городское ремесло?
7. Как были организованы средневековые торговцы и торговля?
8. Назовите характерные черты ярмарочной торговли.
9. Какие основные инструменты появились на денежном рынке в эпоху средневековья и почему?
10. Назовите основные причины кризиса феодальных институтов на исходе средневековья.
11. Какой была хозяйственная организация в киевский период русской истории?

12. Какой была хозяйственная организация в период удельной Руси?

Читаем учебники

✓ История экономики: учеб. / под общ. ред. О.Д. Кузнецовой, И.Н. Шапкина. 2-е изд. М., 2005 (Глава 3)

✓ Конотопов М.В., Сметанин С.И. История экономики зарубежных стран: учеб. для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2006 (Раздел III).

✓ Розенберг Н., Бирдцелл Л.Е. Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира / пер. с англ. Новосибирск, 1995 (Глава 2).

✓ Гусейнов Р. История экономики России: учеб. пособие. Новосибирск, 1998 (Главы III и IV).

В соответствии с периодизацией К. Маркса в развитии западной экономической системы следует выделять период так называемого первоначального накопления капитала или аграрного и промышленно-мануфактурного капитализма в Голландии и Англии XVI–конца XVIII вв., а также — период развитого, «фабричного» капитализма, начавшегося в XVIII веке. Соотнося данную схему с традиционным для западной исторической науки подходом, согласно которому конец XVIII столетия рассматривается как граница между новой и новейшей историей, мы и назвали тему, посвященную характеристике экономического развития Европы в новое время, «генезис современной (капиталистической) экономики».

Институциональные изменения в аграрной сфере _____

Началом процесса становления собственно капиталистических форм организации экономики принято считать «земледельческую революцию» (К. Маркс), а точнее — изменения отношений собственности на землю, происходившие в Англии практически на протяжении всего рассматриваемого периода, но впервые обозначившиеся и интенсивно совершавшиеся в конце XV–XVI вв.

Английское крестьянство ранее крестьянства континентальных стран Европы освободилось от всех форм личной зависимости, сеньориальной юрисдикции и повинностей, превратилось частью в свободных землевладельцев, частью — в лично свободных арендаторов. Из вилланского (крепостного) возникло обычное держание, так называемый копигольд (от англ. сору hold — держание (аренда) на основании копии мэнориальной записи о допущении крес-

тьян во владение землей), которое не обеспечивало прав последних, так как являлось по существу личным договором. Земля в большинстве случаев (по окончании срока аренды, по решению суда и т.д.) возвращалась собственнику земли (лендлорду, от англ. *lendlord* — крупный землевладелец) и либо присоединялась к его владениям, либо передавалась им уже на основании общего права в свободное держание (фригольд — от англ. *free hold*) крестьянам.

Процессы, начавшиеся на исходе XV в., имели своим основанием повышения спроса на шерсть со стороны фландрской шерстяной мануфактуры и связанное с ним повышение цен на шерсть: приток золота и серебра в Европу после великих географических открытий обусловил «революцию цен» — цены в большинстве европейских стран выросли в 3–4 раза, а также повышение платежеспособного спроса населения стран, монополизировавших на этом этапе «торговлю» с Новым Светом. Структурная перестройка сельского хозяйства (распространение овцеводства) сопровождалась размежеванием общинных земель, то есть выделением их из чересполосицы и общинного пользования. Поскольку такое размежевание сопровождалось обнесением выделенных земель изгородью, то и весь процесс получил название «огораживаний».

В ходе огораживаний общество переходило от системы широкого распределения земли среди крестьян, к постепенному отмиранию крестьянских держаний и к их укрупнению в большие фермерские хозяйства. Внедрение в деревенские отношения аренды было выгодно землевладельцам в силу регулирования арендных плат не традицией, как это было в случае держаний, а колебаниями рыночной конъюнктуры (спроса и предложения на сельскохозяйственную продукцию).

Рост цен оказывал неравномерное действие на разные слои населения: часть крестьянства, имевшая долгосрочные аренды или держания копигольдеров, которые нельзя было расторгнуть по закону, пользовалась выгодами от роста цен на их продукты, так как их рента не повышалась. В то же

время арендная плата росла у тех крестьян и арендаторов, чьи договоры возобновлялись ежегодно, прекращались в случае смерти держателя или через определенный срок. В выигрыше оказалась и та часть крестьянского населения, которая благодаря огораживаниям смогла пополнить свои земельные владения. Свободное крестьянство включало в свои ряды: фригольдера, обрабатывающего собственную землю, фермера капиталистического типа, арендовавшего землю лендлорда; крестьянина — держателя земли с фиксированной рентой.

Однако вплоть до XVIII в. обезземеливание крестьян совершалось медленными темпами, так как огораживания производились лишь отдельными землевладельцами или общинами. Только формирование значительного числа независимых друг от друга фермерских хозяйств разрушило хозяйства фригольдеров, тесно связанные с существованием общинных земель. В этой связи, историко-экономическая наука говорит об «исчезновении крестьянства», которое превращалось либо в фермеров-арендаторов, либо в наемных работников (батраков, коттеров), если находило себе место в деревне. Последствием огораживаний стали эвикции (от лат. *evictio* — взыскание по суду своей собственности), то есть насильственные изгнания держателей с их участков, рост бродяжничества и нищенства (пауперизма).

Рассмотренные перемены в аграрных институтах в Англии не составляли что-либо исключительно ей свойственного — близкие по характеру процессы протекали и на континенте Европы. Однако, общинные институты, мелкое крестьянское землевладение и землепользование, в сочетании с сохранением сеньориальных прав на землю, просуществовали, например, во Франции вплоть до революции 1789 года, а в западных землях Германии — до середины XIX в. Причина такой консервации феодальных институтов заключалась в потере последними политического значения, но сохранении за феодальной организацией экономических (фискальных) начал. Большинство крестьян являлись вечно

наследственными держателями (арендаторами) обрабатываемых ими земель, платившими один лишь оброк (ренту). Такая наследственная аренда сопровождалась правом распоряжения участком (продажи, дарения, залога, сдача в аренду), что приближало ее к праву собственности, не свободной, условной, но фактической.

Новые промышленные институты _____

Качественные изменения в аграрном развитии Англии были неотделимы от перемен в промышленном производстве страны. Хотя сырая шерсть в течение долгого времени была предметом вывоза, потребности внутри страны преимущественно удовлетворялись сукном, изготовленным в Англии. Именно в суконном производстве ранее всего обнаруживалась роль капитализма как организующего фактора промышленности. Если в XII–XIV вв. сукно производилось преимущественно городскими ткацкими ремесленными корпорациями, то, начиная с XV в. его производство стало перемещаться в деревенские округа. Сказались и консерватизм корпоративно-цеховой организации ремесла в городах, и выгодные условия использования труда крестьян, лишенных земли, и близость к проточной воде, необходимой для работы сукно валяльной техники, и т.д. Такая уникальная локализация в английской деревне XV–XVI вв. основных направлений хозяйственной эволюции, стала важнейшей особенностью генезиса капитализма в этой стране.

Перемещение производства в сельскую местность вызвало недовольство городских ремесленных цехов, которые пытались сдержать развитие «конкурентов», запрещая купечеству городов проводить операции с суконщиками деревень. Однако эти попытки были безуспешны, поскольку интересы купцов были противоположны интересам ремесленников и именно они оказывали решающее влияние на экономическую политику городов.

Как результат наиболее распространенной формой организации производства в этот период стала домашняя, кустарная промышленность, которую называют еще системой «выкладывания (раздачи) сырья». Система «выкладывания сырья» — это промышленная организация, в которой купец-работодатель покупает сырье, раздает его либо прямо со склада или через своих посредников для окончательной обработки работникам, которые осуществляют производство своим орудиями труда и, как правило, в своих рабочих помещениях.

Место ремесленника, самостоятельно производившего и сбывавшего свой продукт, занял кустарь (от нем. Kunst — искусство), производивший его на скупщика и получавший за это заработную плату. Как следствие, предпринимательская прибыль отделилась от заработной платы. В XVI–XVIII вв. уже не ремесленная, а кустарная (домашняя) мастерская являлась основным (преобладающим) промышленным институтом.

Скупщик-работодатель имел весьма ограниченную власть над трудовой деятельностью производителей, поскольку те трудились в своих собственных помещениях, разбросанных на большой территории, что не затрудняло контроль над их трудом на рабочих местах. Однако он выполнял функции предпринимателя и менеджера, поэтому эту организационную структуру уже можно отнести к предпринимательскому (капиталистическому) типу. Такая форма организации производства называется еще мануфактурой. Однако, поскольку последним словом обозначали в то время промышленность вообще, независимо от формы ее организации, правильной говорить о рассеянной мануфактуре, которой противостояла мануфактура централизованная.

Централизованная мануфактура объединяла целый ряд отдельных операций, совмещая в себе в качестве отделений несколько кустарных мастерских различной специализации. Она представляла собой форму организации производства, в которой работники были собраны в одно помещение и осуществляли процесс производства под непосредственным

контролем собственника этого помещения, инструментов и сырья.

Историко-экономическая наука полагает, что возникновение первых централизованных мануфактур было связано с препятствиями, создававшимися цеховыми порядками мастеров, особенно иностранцам, и побуждавшими последних к совместному жительству и работе в общем помещении, где и образовались постепенно централизованные мануфактуры. Еще ярче выражено, вызванное совместным проживанием производителей, возникновение этой категории мануфактур в домах призрения, рабочих домах, тюрьмах и т.п. заведениях на основе мастерских, использовавших принудительный труд преступников, бродяг, сирот.

Мануфактуры изначально носили капиталистический характер независимо от применения принудительного труда. Целью их деятельности всегда было получение прибыли путем реализации продукции на рынке.

К перечисленным выше путям образования централизованных мануфактур следует добавить еще один — из более ранних форм организации производства (ремесла). Такие мануфактуры (по Марксу) возникали двояким путем: из комбинации разнородных самостоятельных ремесел, утративших свою самостоятельность (гетерогенная мануфактура), или из кооперации однородных ремесленников, разделявших данное ремесло на обособленные операции (органическая мануфактура).

Мы остановились на английском варианте генезиса капитализма (несмотря на то, что вплоть до 70-х годов XVII в. в мировой экономике доминировала Голландия) потому, что Англия первой из западных стран пережила процесс изменения феодальных экономических институтов, возникновения новых форм организации сельского хозяйства и промышленности, формирования национального рынка. Экономическое же могущество Голландии практически целиком зависело от выгодно сложившихся условий международной торговли.

В XVI в. произошел переворот в области торгового обмена. Великие географические открытия (в 1492 г. Колумбом — Америки, а в 1498 г. Васко да Гамой — нового пути в Индию), которые А. Смит считал важнейшими событиями новой истории, изменили характер торговли. Последняя вышла за пределы внутренних морей (Средиземного, Северного и Балтийского) и приобрела океанический характер. Уже не итальянцы и ганзейцы, а народы, населявшие побережье Атлантического океана (португальцы, испанцы, французы, голландцы и англичане), не города, а страны, захватили в свои руки торговые операции, повели борьбу за преобладание в международной торговле.

Экономическая политика государств этого периода — политика меркантилизма (от итал. «mercato» — рынок) — была направлена на покровительство экспорту, поощрение торговли как таковой. Однако, прежде всего, эта политика осуществлялась в интересах развития национальной промышленности и была направлена на приобретение колоний для экспортной торговли с ними, с одной стороны, а с другой — на ограничение ввоза иностранной промышленной продукции (импорта) и вывоза сырья и т.д.

Первую эпоху в истории торговли XVI–XVIII вв. составил португальско-испанский период (приблизительно до 1600 г.), вторую — голландско-английский (XVII–XVIII вв.), после чего Англия вплоть до текущего столетия удерживала звание первой торговой державы мира. Соответственно изменившимся торговым путям, изменились и главные рынки, города, игравшие роль в международном обмене. В XVI в. приобрел торговое значение Лиссабон — центр торгового обмена с Индией, а также Севилья, как исходный пункт в торговых отношениях Испании с Америкой, которая к XVII в. уступила часть своих полномочий Кадису, куда сходились пути из американских колоний, Африки и средиземноморья. Возросла роль Марселя, как

центра средиземноморской торговли, а Гавра — торговли американской.

Однако центр мирового обмена все более перемещался на северо-запад Европы, где Атлантический океан сливается с Северным морем, а морские пути с юга (южной Европы, Индии и Америки) встречаются с сухопутными путями, идущими в глубь материка. На первый план выдвинулся Антверпен, а за ним Амстердам (в начале XVII в.) — центр не только международной торговли, но и биржевых спекуляций. Одновременно начался рост Лондона и Ливерпуля, городов, с которыми связано последующее торговое преобладание Англии.

Основные историко-экономические подходы

МИРОСИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ И. ВАЛЛЕРСТАЙНА

Школы зависимости и миросистемного анализа, сложившиеся в течение 1970–80-х годов, считали, что при изучении динамики всемирной истории внимание должно акцентироваться не на внутренних факторах экономического развития, а на внешних, процессах происходящих в мировой экономике в целом, которые нередко создавали препятствия развитию. Странники теории зависимости считали, что ключами к пониманию динамики истории являются империализм и колониализм. Начиная с XVI века, западные страны устанавливали свою гегемонию в мире, подчиняя различные регионы требованиям мировой капиталистической экономики. Имперская и колониальная эксплуатация имела своими результатами, с одной стороны, развитие западного капиталистического мира, а, с другой стороны — экономическую отсталость колониально зависимых стран.

Именно под влиянием этих идей сложился миросистемный подход И. Валлерстайна (р. 1930), принципиальными особенностями которого является выделение в качестве фундаментальной основы исторического движения экономических факторов, а также избрание в качестве единицы анализа не общества или национального государства, а мировой целостности — капиталистической мир-экономики.

В исследованиях «Современная мир-система» (1974), «Миросистемный анализ» (1987) и др. Валлерстайн пред-

ставляет капиталистическую мир-систему как возникшую в результате глобальной экспансии европейского капитализма в XVI веке. Интенсивное развитие коммерции, обусловленное Великими географическими открытиями, «революцией цен», демографическими процессами и т.д., а также формирующееся географическое разделение труда привели к преимущественному распределению накопленной прибыли в пользу тех, кто сумел достичь различных видов временных монополий в рыночном обмене. Система, таким образом, представляет собой географически (а не социально) организованное товарное производство и распределение. Как видим, мирсистемная теория, неомарксистская по происхождению, выступает одновременно как развитие теории обусловленного обменом разделения труда А. Смита.

Организована эта мир-система строго иерархически: страны ядра (центра), периферии и полупериферии связаны асимметричными отношениями доминирования и зависимости и различаются между собой в соответствии с такими экономическими критериями как сложность экономических институтов, прибыльность производимых продуктов и способ контроля над трудом. Так в XVI в. ядро капиталистической «мирсистемы» составили Англия, Нидерланды и северная Франция; полупериферию — южная часть Франции, Италия и Испания; на периферии находились страны Восточной Европы и Латинской Америки.

«Ядро — периферия» относится к пространственным концентрациям экономической деятельности, которые следует искать внутри капиталистической мир-экономики. Но должны ли такие «пространственные» концентрации описываться на уровне государственных границ? То есть можем ли мы обозначать различные государства как государства ядра, а другие — как периферийные? Это очень запутанный вопрос и довольно спорный. Некоторые исследователи настаивают, что пространственные единицы (units), описанные таким образом, должны быть меньше, чем государства. Но конечно, по мере того как мы сужаем пространственный масштаб с целью локализовать центр и периферию, мы постепенно приближаемся к асимптоте, где, как только мы достигли уровня отдельных предприятий, мы утрачиваем почти всю значимую пространственную предметность. Конечно, вместо этого мы можем двигаться в другом направлении — к зонам более крупным, чем государства» (Валлерстайн И.).

Мир-системный анализ принципиально иначе, нежели марксизм или классическая политэкономия объясняет процесс капиталистического накопления, природу капитализма.

«Большинство либералов и марксистов последних 150 лет рассматривали ... картину «конкурентного капитализма» как точное описание капиталистической нормы... Норма в значительной степени отражала идеализированный портрет того, что, как полагали, было примером-квинтэссенцией этой нормы, а именно Англию после «индустриальной революции», где пролетарии (по сути, безземельные, не имеющие орудий труда городские рабочие) трудились на предприятиях, принадлежавших буржуазным предпринимателям (по сути, частным собственникам постоянного капитала этих фабрик). Собственник покупал рабочую силу (платил заработную плату) у рабочих — главным образом взрослых мужчин, — у которых не было реальной альтернативы для выживания, кроме как поиск работы по найму. Никто никогда не утверждал, что все ситуации производства укладывались в эту модель. Но и либералы, и марксисты были склонны рассматривать любую ситуацию, отклоняющуюся от этой модели, как менее капиталистическую — в той степени, в какой она отклонялась» (Валлерстайн И.).

Для характеристики отношений между различными структурными уровнями капиталистической мир-экономики, Валлерстайн использует концепцию «неравного обмена», согласно которой рыночный обмен приводит к потере значительной части прибавочной стоимости регионами, рабочая сила в которых обходится дешевле. Неравный обмен, другими словами, приводит к перетеканию части прибавочной стоимости из региона, где затрачивается больше труда при производстве обмениваемой стоимости, в другой — из периферии в центр миросистемы.

Начиная с XVI в. вплоть до нынешнего времени иерархическая структура мир-экономики не изменялась. Менялось лишь «наполнение» ее структурных уровней конкретными регионами земного шара.

«... “современная миросистема” (world-system) родилась из консолидации мировой экономики. Вследствие этого у нее было время достичь своего полного развития в качестве капиталистической системы. По своей внутренней логике эта капиталистическая мировая экономика затем расширилась и охватила весь земной шар... Потому что на конец XIX в. впервые за все время на земном шаре существовала только одна историческая система. И сегодня мы все находимся в той же ситуации».

«Могут ли пространственные локализации ... через какой-либо период времени изменить свое местоположение...? Конечно. Мы называем это “подъем и упадок” наций, и конечно, это можно проанализировать, используя концепцию

структурного пространства. Вчера Япония была местом сосредоточения дешевого труда. Сегодня это так называемое государство ядра. Завтра оно может быть господствующей мировой державой. ... Но структурное пространство сохраняется. Те же самые структурные категории продолжают существовать, несмотря на геополитические перемещения» (Валлерстайн И.).

Россия, по мнению Валлерстайна, на протяжении нескольких столетий, с момента включения ее в мировую систему в эпоху царствования Екатерины II, сохраняет полупериферийный статус, оказываясь неспособной повысить его, но одновременно способной препятствовать его понижению.

Понятие «мир-экономика» используется в качестве ключевого и в построениях известного французского историка Ф. Броделя (1902-1985). Мир-экономика для Броделя отличается от более широкого и привычного понятия «мировой экономики» тем, что она более локальна и не охватывает планету в целом. Говоря словами самого Броделя:

«затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство» (Бродель Ф.).

Даваемое Броделем определение «мир-экономики» очень близко к валлерстайновскому, однако его конкретизация выявляет ряд серьезных отличий. Прежде всего, с его точки зрения, «миры-экономики» существовали, если не всегда, то, по крайней мере, с очень давних времен. Валлерстайн же говорит о мир-экономике только применительно к исторической системе, возникшей сначала на европейском континенте в XVI веке и постепенно интегрировавшей весь мир в капиталистическую экономику. Он даже вводит понятие капитализм вместе с самим понятием «мир-экономики», называя «капитализм» и «мир-экономике» двумя сторонами одной медали или двумя разными характеристиками одного и того же неразделимого феномена. Бродель же к мирам-экономикам относит и допетровскую Россию, Оттоманскую империю, Индию, Китай, средневековое Средиземноморье и т.д.

«В основном наши (с Валлерстайном) взгляды совпадают, даже если Иммануэль Валлерстайн полагает, что не существует никакого другого мира-экономики, кроме европейского, который возник лишь в XVI веке, в то время как я считаю, что задолго до того, как европейцы узнали мир во всей его огромности, со Средних веков и даже с Античности, он был разделен на ряд более или менее централизованных и связанных экономических зон, т.е. на несколько сосущество-

вавших миров-экономик... Таким образом, можно положить на историческую карту прозрачную кальку, на которой карандаш грубо очертит миры-экономики, существующие в каждую эпоху. Поскольку эти экономики меняются крайне медленно, у нас есть достаточно времени, чтобы их изучать, наблюдать их жизнь, оценить их вес. Медленно деформируясь, они отражают глубинную историю мира» (Бродель Ф.).

Источники

✓ Валлерстайн И. Миросистемный анализ // *Время мира: Альманах. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке.* Новосибирск, 2000. С. 105–123.

✓ Валлерстайн И. Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем // *Время мира: Альманах. Вып. 2. Структуры истории.* Новосибирск, 2001. С. 102–116.

✓ Бродель Ф. *Динамика капитализма* / пер. с фр. Смоленск, 1993.

✓ Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира.* М., 1992.

Перемены в торговле характеризовались одновременно количественным увеличением объемов торговых операций и качественными изменениями, которые были связаны, прежде всего, с переходом от средневекового обмена на условиях, определяемых традицией и регламентами, к рыночной торговле, когда цены являлись результатом соглашения между продавцом и покупателем. Качественные изменения в торговле потребовали институциональных изменений.

На смену институту ярмарки, сохранившему свое значение, главным образом, в тех регионах, где слабо развита была торговля в деревне, пришел институт биржи, предназначенный для организации крупнооптовой торговли. Для биржевой торговли характерны:

- концентрация обмена в немногих определенных местах;
- непрерывность (биржа — постоянно действующий институт);
- совершение сделок с заменимыми товарами;
- совершение сделок без немедленной передачи самих товаров с отсрочкой платежа;

- совершение сделок на разницу между установленной ценой и той, по которой товары котировались (от фр. *se coter* — иметь определенную цену) в день исполнения сделки; и др.

Родиной биржи признана Италия, где в XV в. в крупных торговых центрах появились прообразы будущих вексельных бирж (вексель по самой природе своей является заменимым объектом торговли). Однако сам термин «биржа» (от лат. *Bursa* и нем. *Borse* — кошелек) появился уже в Брюгге — одном из крупнейших центров международной торговли. Из Брюгге в XVI в. биржа перешла в Антверпен, а затем и Амстердам, где главным объектом торгов стали наряду с векселями и акции торговых компаний и облигации нидерландского правительства (сделки на разницу производились и с товарами). Амстердамская биржа, возникшая в начале XVII в., была первым примером открытой, публичной и широкой торговли ценными бумагами: к концу XVII в. Амстердамская биржа превратилась практически в международный рынок. Техника операций на этом рынке была целиком заимствована Англией. В Лондоне торговцы ценными бумагами создали свой рынок лишь в 1773 году. Именно на Лондонской бирже впервые возникла профессиональная биржевая торговля.

Купеческая гильдия, как торговый институт, характерный для средневековья, в рассматриваемый период существовала в виде регулируемой компании (от лат. *cum* — «вместе» и *panis* — «хлеб»), в состав которой был обязан войти всякий, желавший вести торговлю с определенной страной или частью света. Это также была организация личного характера, регулировавшая деятельность купцов, торговавших за свой страх и риск. Для торговли с каждой страной (частью света) существовала только одна компания, которая являлась привилегированной, поскольку право на ведение этой торговли предоставлялось государством (такие компании часто учреждались для колонизации Нового Света, Африки и т.д.). Такие компании не вели торговли на собственные средства, не выпускали акций, которые могли бы приобретаться людьми, не входившими в компанию.

Со временем, группы купцов в рамках этих компаний соединялись в товарищества (на доверии), торговавшие за общий страх и риск, объединявшие свой капитал (т.е. торговавшие за счет собственных средств). Из регулируемой возникла объединенная привилегированная компания, имевшая характер акционерного общества (наиболее известны нидерландская Ост-индская, английская Ост-индская, голландская Вест-индская, английская Африканская и др.). Такие акционерные компании история экономики называет еще декретированными, поскольку монопольное право на ведение торговли предоставлялось им правительственными декретами. Вплоть до XVIII века фактически не существовало постоянного капитала таких компаний и деления его на равные части: размер капитала менялся сообразно характеру предполагавшихся операций, а прибыль каждого «инвестора» определялась пропорционально его вкладу.

В XVIII в. появились акции (от голл. *actie* — пай, часть и *actionist* — пайщик), сначала именные, а затем на предъявителя, которые делили уставный капитал на равные доли, но главное, могли менять собственника, которым не обязательно был член корпорации, а в конечном итоге — стали объектами биржевой торговли. Именно такие акционерные компании, не получавшие при этом преимуществ от государства, рассматриваются как предтеча современной публичной корпорации.

Институты денежного рынка _____

Прилив американского золота и серебра вызвал усиленную чеканку монеты, прежде всего, серебряной (даже в XVIII веке настоящими деньгами считались только серебряные, золото же являлось таким же товаром, как и свинец). Однако условия денежного обращения оставались неудовлетворительными — распространились: «порча» монеты, изъятие из обращения полновесной монеты, в том числе тезаврация (от

греч. — thesauros сокровище) — накопление монеты в форме сокровищ; хождение суррогатов и т.д. Основными причинами такого положения на денежном рынке были:

- «революция цен»;
- потребности расширяющегося рынка;
- политика «раннего меркантилизма», направленная на недопущение оттока серебра за пределы той или иной страны;
- несовершенство технологии чеканки монет;
- утечка драгоценных металлов за границы континента (платежный баланс Европы в торговле с Востоком вплоть до начала XIX в. был дефицитным).

Все это приводило к стремлению обойтись без чеканной монеты. Этой цели служила, например, уже известная операция ликвидации счетов посредством сличения торговых книг. Начиная с XVI в. масса «книжных», «бухгалтерских» (от нем. — Buchgeld) денег, т.е. платежей через счетные книги, переводов с одного банковского счета на другой, стремительно возрастала. С тем лишь отличием, что уплата разницы производилась векселями, а не монетой. В дальнейшем стали устанавливать для расчетов условную, общую для всех, идеальную, денежную единицу. Такая «банковская монета» стала основой учреждения публичных (общественных) банков (Венецианского, Амстердамского, Английского и др.), вкладчики которых производили платежи друг другу через посредство банка переводом со счета одного на счет другого, а вклады «расценивались» в условной денежной единице.

В Англии перевод платежей производился через золотых дел мастеров (ювелиров), которые принимали вклады, начисляли проценты и выдавали удостоверения под названием «билеты золотых дел мастеров» (goldsmith's notes), а позднее «билеты банкиров» (banker's notes). Последние охотно принимались при платежах даже теми, кто не имел вкладов у банкиров, а в последствии и казначейством. Благодаря этому в Англии еще до учреждения национального банка население (а не только купечество) обходилось без пользования монетой. Историко-экономическая наука именно с деятель-

ностью золотых дел мастеров связывает возникновение примерно в середине XVII в. банковского дела в современном его понимании.

С учреждением в 1694 г. Английского банка, билеты последнего стали среди населения платежным средством, заменившим монету. Нововведением Английского банка стало выполнение им не только операций хранения и перевода денег со счета на счет, но и функции эмиссионного (от лат. *emissio* — выпуск) банка, предоставляющего кредит в билетах, фактическая стоимость которых была больше его реальных денежных запасов. По сути, был реализован новый принцип организации банковской деятельности, в соответствии с которым, главной функцией банкира (банка) стало кредитование: в процессе кредитных операций создавались новые платежные средства для лиц, их не имевших.

Возникавшие провинциальные банки выпускали банкноты, которыми производили учет векселей, поэтому последние являлись не столько свидетельствами о вкладах, сколько средством кредитования. Это стало возможно благодаря появлению на векселе передаточной надписи (индоссамента), с помощью которой производилась уступка (продажа) векселя (долга) кредитором другому лицу, а вексель стал платежным средством. В этой связи распространился учет векселей у банкиров, т.е. получение у них сумм, обозначенных на векселе, с вычетом известного процента и переводом векселя на имя банкира. Однако без выпуска банкнот, банкиры были не в состоянии кредитовать своих клиентов, и, прежде всего, торговцев, а последние, соответственно, не могли получить свои средства обратно раньше, чем наступит срок платежа должником по векселю. (Заметим, что вексельный банк Амстердама, учрежденный еще в 1609 г., сделал этот город центром международной платежной системы, так как с помощью векселей на этот банк можно было оплатить торговую сделку в любом уголке Европы).

Таким образом, если в средние века денежные и кредитные институты строго отделены друг от друга — кредит

представляет собой обмен, разделенный во времени, — то, в рассматриваемый период истории экономики интенсивно идет процесс их сближения.

Становление банкнотного обращения явилось во многом решающим моментом в процессе институционализации экономики в качестве автономной подсистемы общества. Долги частных лиц, будучи выражены в ценных бумагах, взяли на себя выполнение функций настоящих денег. Это превратило частные банки (банкиров) в «монетные дворы», формирующие часть денежного обращения, не зависимую от государственного монетного двора. Долги в форме ценных бумаг стали использоваться в качестве платежного средства, превратились в источник финансовых средств, необходимых для осуществления хозяйственной деятельности. Последняя, в свою очередь, стала осуществляться в форме создания и погашения частных экономических обязательств, в отличие от исполнения личных, социальных обязательств, предшествующих историческим периодам.

Банкноты, однако, не вытеснили из обращения монету. Более того, проведя успешную денежную реформу (усовершенствовав технологию чеканки серебряных монет, произведя обмен денег) Англия начала продавать серебряную монету за золото. Золотая монета, чеканившаяся с конца XVII в. одновременно с серебряной, приобрела большую ценность. Золотая гиней (от Гвинеи, откуда доставлялось золото) ценилась много выше, чем это соответствовало соотношению между золотом и серебром. К началу XVIII в. Англия была переполнена золотом, а к середине века фактически прекратила чеканку серебряной монеты, перейдя к золото-валютной системе.

Вексельное дисконтирование (от англ. *diskont* — учет векселей), т.е. оплата векселей до срока, подтолкнуло Английский банк к еще одной операции, составившей революцию на рынке ценных бумаг. К середине XVIII в. Англия стала обладательницей самого большого в мире государственного долга. Однако кредиторы не требовали все свои деньги сра-

зу и, более того, демонстрировали готовность предоставлять правительству новые займы. Столь высокое доверие основывалось на регулярной выплате Английским банком постоянных процентов по облигациям государственных займов. На европейских биржах английские ценные бумаги пользовались спросом, их покупка считалась надежным способом долгосрочного помещения капиталов (особенно популярны они стали в Голландии). Продавая их Англия привлекала свободные капиталы для развития национальной экономики. Дисконтирование векселей и обязательств консолидированного (от лат. *consolidatio* — укрепление, уплотнение) государственного долга, наряду с мероприятиями денежной реформы, составили содержание английской «финансовой революции» последней четверти XVII–середины XVIII вв.

В ходе этой «революции» Англия фактически создала государственные финансы (установив контроль над Английским банком, закрепив за парламентом решение вопросов предоставления кредитов, введения налогов и т.д.) и превратила долгосрочный заем в заем вечный, так как государство не возмещало его, а превращало текущий долг в консолидированный. Финансовая система основывалась на доверии населения, на создании новых доходов, направлявшихся для выплаты процентов.

Основные историко-экономические подходы

ТЕОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ Д. НОРТА

Д. Норт (р. 1920) одним из первых усомнился в возможности объяснения долговременных тенденций экономического развития в рамках неоклассического анализа, опирающегося на концепции рациональных ожиданий и рационального выбора. В качестве инструмента историко-экономического анализа он предложил использовать аналитический аппарат новой институциональной экономической теории.

«Развитие теории институциональных изменений представляется необходимым условием дальнейшего про-

гресса социальных наук в целом и экономической в особенности, необходимым потому, что неоклассическая теория ... в настоящее время не может дать удовлетворительного объяснения различий в функционировании обществ и экономик как в отдельно взятый момент времени, так и в течение некоторого периода. Аргументы, приводимые неоклассической теорией, неубедительны в силу того, что хотя ее модели объясняют отдельные различия в функционировании экономик на базе различий в объеме инвестиций в образование, норме сбережений и т.п., но они не могут объяснить, почему проваливаются попытки предпринять необходимые меры, даже если они способны обеспечить высокую отдачу. А отдача определяется институтами. В то время как фундаментальные неоклассические предпосылки о редкости ресурсов и, следовательно, конкуренции были здравыми (с точки зрения основ анализа), предположение о беспрепятственном (frictionless) характере обмена завело экономическую теорию в тупик. Институты представляют собой структуру, которую люди накладывают на свои взаимоотношения, определяя таким образом стимулы, наряду с другими ограничениями (бюджетными, технологическими и т.д.) очерчивающие границы выбора, а они, в свою очередь, задают рамки функционирования экономики и общества в течение того или иного периода времени» (Норт Д.).

Отталкиваясь от фундаментального утверждения Р. Коуза о том, что осуществление рыночных сделок (транзакций) порождает издержки, Норт модифицировал теорию разделения труда, основанного на обмене, А. Смита. Соглашаясь с последним в том, что разделение труда улучшает со стороны как предложения, так и спроса возможности для взаимного получения прибыли в результате обмена, он, однако, отмечает, что расширение процесса обмена происходит при возрастании транзакционных издержек (издержек совершения сделок — расходов, связанных с определением предмета сделок и организацией последующего соглашения). Для того чтобы прирост издержек не препятствовал углублению разделения труда, необходимы институциональные изменения.

Главной ошибкой большинства исследователей в области истории экономики Д. Норт считает признание ими уровня технологического развития ведущим фактором экономического роста. На его взгляд, ключевым фактором роста является институциональная структура и ее стимулирующее воздействие, ведущее к уменьшению транзакционных издержек на рынках товаров и ресурсов, к созданию юридической системы для контроля над выполнением контрактов, к определению и защите прав собственности, а главное — к

сохранению и поддержанию этого стимулирующего воздействия. Выбор и изменение институтов, по Норту, определяются критерием минимизации трансакционных издержек. Соответственно, исследование экономического развития с исторической точки зрения — это изучение инноваций институтов, которые делали возможным заключение все более сложных сделок благодаря снижению трансакционных издержек этих обменов.

«Институты — это ограничения, структурирующие человеческие взаимоотношения и создаваемые самими людьми. Среди них можно выделить формальные ограничения (правила, законы, конституции), неформальные ограничения (нормы поведения, условности, внутренние принципы), а также механизмы, позволяющие контролировать их соблюдение. В совокупности они задают систему стимулов, действующих в обществе и, следовательно, в экономике. Институты и уровень технологического развития определяют трансакционные и трансформационные издержки, из которых складываются издержки производства. Принципиальную связь, существующую между институтами, трансакционными издержками и неоклассической теорией, в 1960 году выявил Рональд Коуз. Эффективные рынки неоклассической теории могут существовать лишь тогда, когда трансакции для экономических агентов бесплатны. Только при условии, что взаимодействие между ними протекает без каких бы то ни было издержек, они будут достигать решений, максимизирующих совокупный доход независимо от институциональных условий. Когда трансакции требуют издержек, приходится принимать в расчет институты. Но трансакции всегда требуют издержек» (Норт Д.).

Таким образом, главной функцией институтов в истории, по Д. Норту, является обеспечение условий для снижения трансакционных издержек, которые растут по мере углубления разделения труда. В результате осуществленных исследований он сформулировал тезис о примате политических институтов для институциональных изменений. Важнейшим исторически возникшим институтом, нацеленным на снижение трансакционных издержек, стало государство, в обмен на доходы в виде собираемых им налогов, взявшее на себя определение и защиту прав собственности, а также контроль за соблюдением заключенных договоров. Именно в этой взаимосвязи политического устройства и экономики Д. Норт усматривает причину экономического подъема Запада, создания эффективной экономической системы.

Возникновение государства (других политических и идеологических институтов), определяющего «эффективные»

права собственности и обеспечивающего эффективную же их защиту, сказывается на развитии экономических институтов, стимулирующих рыночный обмен, что способствует значительному снижению транзакционных издержек. Государство определяет права собственности в соответствии с интересами доминирующих властных групп. Люди, подчиненные этим ограничениям, определяют формы экономической организации, которые и минимизируют транзакционные издержки.

Развитие государства, по Норту, было длительным процессом, определявшимся, главным образом, поиском доходов, принимавшим различные формы. От конфискации или отказа от долга, до создания системы прав собственности и их защиты в обмен на часть доходов подданных. В зависимости от того, какой способ в условиях недостатка средств избирал правитель, таковым был и результат его политики: экономический рост, как, например, в Нидерландах или Англии, или стагнация экономики, как в Испании или Португалии. Рост наблюдался в экономике, в которой институциональная среда создавала стимулы к занятиям производительной деятельностью. Спад был результатом ограничения таких стимулов, что, как правило, было следствием централизованного политического контроля над экономикой и существования монополий.

Государство, считает Д. Норт, являлось основным действующим лицом в истории развития рынков. На протяжении долгого времени государство было заинтересовано в сборе налогов, с одной стороны, и в поддержании доверия к нему со стороны купцов и обычных граждан, с другой. Взаимодействие двух этих противодействующих сил Норт иллюстрирует на примере Испании и Англии XVI–XVIII вв. Если в первой была создана централизованная бюрократическая структура, установившая контроль над всеми параметрами экономики, то во второй рождались институты, способствовавшие развитию эффективных экономических рынков.

«Разница между Англией и Испанией состояла не только в различной степени централизованности или децентрализованности государственной системы. Однако именно это различие оказалось критически важным, отражая более широкие различия в общественном и экономическом устройстве обеих стран. В Англии парламент не просто обеспечил начало создания представительной системы правления и ограничил возможности получения короной политической ренты..., что до этого было типично для монархов династии Стюартов, которые испытывали острые финансовые трудности. Дело еще и в том, что триумф парламента ознаменовал надежную защиту прав собственности и формирование более эффективной, беспристрастной судебной системы.»

В испанской общественной системе господствовала сильная правительственная бюрократия, она “издавала постоянно растущую массу указов и юридических постановлений, которые легитимизировали работу административного аппарата и направляли его деятельность”. Все проявления экономической, как и общественной, жизни тщательно контролировались и направлялись в интересах короны, стремящейся к созданию самой мощной империи со времен античного Рима. Но после революции в Нидерландах и сокращения притока богатств из Нового Света потребность в деньгах далеко превысила доходы, результатом чего явились финансовый крах, рост внутреннего налогообложения, конфискация и необеспеченность прав собственности» (Норт Д.).

Экономические различия между Англией и Испанией сходным образом проявились в их колониях в Северной и Южной Америке и сохранились после ликвидации колониального господства, притом, что некоторые южно-американские страны после получения независимости переняли конституцию США. В этом Д. Норт усматривает проявление зависимости институциональных изменений от предшествующего пути развития. Исторические условия формируют не только текущую институциональную структуру, но и будущее ее развитие.

Источники

- ✓ Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 53–63.
- ✓ Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // *Вопросы экономики*. 1997. № 3. С. 6–17.
- ✓ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер с англ. М., 1997.
- ✓ Норт Д. Экономическая деятельность в масштабе времени (Нобелевская лекция 9 декабря 1993 г.) // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. / редкол. Г.Г. Фетисов и др. Т. V. В 2-х кн. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов. Кн. 1. М., 2004. С. 707–723.*

Экономика России

Отечественная историко-экономическая наука выделяет XVI столетие в качестве исходного пункта не только одного из периодов хозяйственной истории России, но периода,

ставшего стержнем всей последующего экономического развития страны, периода, который некоторые историки-экономисты назвали «новой русской историей».

Такой вывод основывается, прежде всего, на факте превращения территории Московского государства в единое экономическое пространство: особенности хозяйственного устройства отдельных районов не только не исключали, но усиливали их единство, так как обуславливали разделение труда между ними, установление регулярного обмена, потерю прежней изолированности. Экономическое своеобразие областей не исключало и факта преобладания сельского хозяйства — земледелия — над другими отраслями хозяйства, что в значительной мере способствовало распространению поместных институтов (форм землевладения), ранее известных преимущественно центральным районам, по всей территории Российского государства.

Условный характер поместной собственности помогал формированию широкого сословия светских землевладельцев, социальной основы образующегося централизованного государства. Однако, условный характер собственности, с другой стороны, стал причиной незаинтересованности помещиков в расширении хозяйственной деятельности. Начался процесс слияния поместья с вотчиной на условиях не поместного, а вотчинного права. Распространилась практика пожалования выслужных земель в вотчину («пожалованная вотчина»), которую можно было обменивать на другую землю, сдавать в аренду, отдавать в качестве приданного за дочерьми, закладывать и т.д. К концу XVI в. две формы землевладения — вотчина и поместье — были уравнены в правах, обусловлены службой, хотя только вотчины по-прежнему можно было передавать по наследству, отчуждать, а также закладывать, уведомляя об этом государство. Подобно тому, как это было в Западной Европе, русский вариант феода становился наследственным.

Перевод поместья в вотчину способствовал восстановлению хозяйственной стабильности к середине XVII века. В

самом же начале следующего столетия фактически сложившееся сближение поместий с вотчинами было закреплено юридически, они слились в единое понятие дворянской недвижимой собственности, подлежащей свободному (в пределах закона) отчуждению.

Господство в течении XVI и половины XVII вв. условного временного поместного держания земли, с характерным для него неэффективным, разорительным хозяйствованием, привело к значительному отливу населения из центральных районов к окраинам России (что способствовало распространению земледельческой культуры), и заставило землевладельцев использовать все возможные меры для закрепления на земле необходимых им работников. К этому же привело наметившееся развитие денежного хозяйства, заставившее землевладельцев увеличивать размер «барской запашки», обрабатывавшейся руками несвободных слуг, холопов, кабальных холопов (т.е. лиц, занявших какую-нибудь сумму денег и обязавшихся работать на кредитора до уплаты долга), обязанных барщиной крестьян, с целью продажи на рынке продуктов земледелия. Таким образом, институт крепостничества возник как реакция на свободное перемещение рабочей силы (крестьян) и наличие свободных, никем не занятых и не обрабатываемых земельных ресурсов.

Фактически складывавшееся крепостное право было закреплено юридически сначала частными (гражданскими) договорами крестьян с землевладельцами, а затем Уложением 1649 г. Институт крепостничества развивался в направлении прикрепления крестьян не столько к земле, сколько к личности землевладельца, которому принадлежало право переселять крестьян с одних земель на другие, право продавать или закладывать крепостных людей по одиночке и без земли.

Крепостничество было институтом, напоминавшим рабство, хотя и отличавшимся от него: крепостные крестьяне имели собственные жилища, обрабатывали выделенные общиной наделы, будучи обязаны помещику или государству барщинными работами или оброком. Однако более существ-

венным представляется тот факт, что на протяжении XVI, XVII и большей части XVIII вв. крестьяне были в большей степени крепостными государства, нежели частных лиц, поскольку последние (дворяне) были, в свою очередь, «прикреплены» к обязательной государственной службе. Ситуация изменилась лишь к последней трети XVIII в. с возникновением института частной дворянской собственности, не обусловленной службой, в результате чего возникла беспредельная власть землевладельца над крепостными, действительно напоминавшая рабство (на практике она ограничивалась сложившимися традициями, требованиями хозяйственной практики и вмешательством общины).

В XVI веке наметился значительный рост числа городов, что является показателем роста внутреннего рынка. На смену городам XIII–XIV вв. как центрам вотчинного княжеского хозяйства, административным и военным образованиям пришли города — ремесленные и торговые центры: феодальная усадьба обросла ремесленно-торговым посадом, что сделало ее уже поселением городского типа. Городской рынок был тесно связан с деревенской округой, однако, город не стал, как это случилось в Западной Европе, центром «замкнутого городского хозяйства». История экономики России продемонстрировала столь значительное развитие деревенского ремесла, что город был вынужден конкурировать с ним. Наличие обширного рынка обусловило появление большого количества торговых институтов — торжков и ярмарок, которые возникали в сельской местности, у стен монастырей, приурочивались к местным праздникам и т. д.

Разбросанные по всей территории государства городские и сельские рынки связывались между собой непрерывным товарообменом. Процессу установления хозяйственных связей между отдельными областями русского государства способствовал рост торговых связей с Западной Европой и Востоком, так как расширение внешней торговли активизировало скупку и привоз товаров из разных местностей в центральные пункты сбыта, каковыми были Архангельск и

Астрахань. С другой стороны, поскольку российский рынок являлся составной частью рынка европейского, постольку здесь шла борьба за первенство на нем между купечеством Англии и Нидерландов (на российском рынке вела торговые операции английская Московская компания, которая получила на это монопольные права в своем государстве и привилегии на свободную, беспошлинную торговлю от российского правительства). Однако протекционистские мероприятия государства середины XVII века укрепили позиции на рынке отечественных купцов, что в целом соответствовало политике большинства европейских государств того времени.

Ключевые понятия темы

Акция; банкнот; «банковская монета»; биржа; государственный долг; «земледельческая революция»; институт крепостничества; «исчезновение крестьянства»; капиталистическая мир-экономика; «книжные», «бухгалтерские» деньги; консолидированный долг; концепция «неравного обмена»; кустарная мастерская; мануфактура; миросистемный подход; объединенная декретированная компания; «огораживания»; пауперизм; «первоначальное накопление капитала»; пожалованная вотчина; политика меркантилизма; «революция цен»; система «выкладывания (раздачи) сырья»; скупщик-предприниматель; тезаврация монеты; учет (дисконтирование) векселей; фермерское хозяйство; эвекции; эмиссия.

Вопросы для обсуждения и проверки

1. Каково содержание процессов, получивших название «огораживания»?
2. Что историко-экономическая наука понимает под «исчезновением крестьянства в Англии в XV–XVIII вв.»?
3. Какой новый капиталистический аграрный институт стал складываться в Англии в результате «огораживаний»?
4. Какие процессы и почему получили в истории экономики Европы название «революция цен»?
5. Какой новый капиталистический институт определял лицо английской промышленности XVI–XVIII вв.?
6. Почему английский вариант генезиса капитализма принято считать классическим?

7. Изложите содержание миросистемного подхода к объяснению истории экономики.

8. Какие институциональные перемены произошли в организации торговли Европы Нового времени?

9. Назовите характерные черты биржевой торговли.

10. Что историко-экономическая наука называет английской «финансовой революцией»?

11. Что, по мнению Д. Норта, является ключевым фактором экономического роста?

12. Каковы основные причины появления института крепостничества в России в XVII в.?

Читаем учебники

✓ История экономики: учеб. / под общ. ред. О.Д. Кузнецовой, И.Н. Шапкина. 2-е изд. М., 2005 (Глава 4)

✓ Конотопов М.В., Сметанин С.И. История экономики зарубежных стран: учеб. для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2006 (Раздел IV, глава 5).

✓ Розенберг Н., Бирдцелл Л.Е. Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира / пер. с англ. Новосибирск, 1995 (Главы 3 и 4).

✓ От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с 15 века до 1980-х гг. / пер с голл. М., 1998 (Глава 3).

Глава 6. ЭКОНОМИКА ЕВРОПЫ ПЕРИОДА ИНДУСТРИАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА

В исторической науке уже давно укоренилось представление о том, что Французская революция явилась рубежом, разделяющим разные исторические эпохи: «новую» и «новейшую» историю. Такая «неэкономическая» стадийная концепция в первом приближении соответствует «экономической» схеме К. Маркса, также связывавшей конец XVIII в. с переходом к новой стадии в развитии капиталистической экономики — «развитому», «фабричному» капитализму, с «промышленным переворотом», положившим начало такому переходу.

Для определения другой границы периода воспользуемся подходом известного немецкого экономиста В. Ойкена, который разделил индустриальную эпоху на две части: период «политики *laissez fair*» и последующий период «политико-экономических экспериментов». Первый охватил весь XIX век и самое начало века XX, вплоть до первой мировой войны. В рамках данного периода государство отдало в частные руки те формы (институты) в которых велось хозяйство. Даже возврат к протекционизму в 1870-е годы не изменил, сколько-нибудь заметно, институционального устройства эпохи. Напротив, в рамках периода «политико-экономических экспериментов» экономические процессы в большей или меньшей степени стали определяться государством.

Завершение капиталистических аграрных преобразований в Англии

Как уже отмечалось, из всех европейских стран личное освобождение крестьян ранее всего произошло в Англии. Земля принадлежала крестьянам на полном праве собственности в той, правда, мере, в какой крестьянство сохра-

нилось в этой стране: одновременно с разделом общинных земель и ликвидацией чересполосицы участков в течение XVIII в. и в начале XIX в. процесс «огораживаний» приобрел новые черты. Сельское хозяйство не успевало за быстрым ростом населения, структура его претерпела существенные изменения в предшествующие столетия, вследствие чего Англия из страны, вывозившей хлеб, превратилась в страну, нуждающуюся в привозном хлебе. Последствием этой потребности стали значительные «парламентские» огораживания, приведшие к вовлечению в оборот малопродуктивных земель, дававших отдачу лишь при высоких ценах на хлеб (установлению последних в немалой степени способствовали наполеоновские войны, приведшие к «континентальной блокаде» Англии).

Период низких цен на хлеб, наступивший с падением блокады в 1815 г., сопровождался разорением мелких арендаторов и землевладельцев, а также реализацией мер, направленных не столько на защиту отечественного производителя, сколько интересов крупных землевладельцев, чьи доходы снизились соответственно уменьшившейся арендной плате (отменены были премии за вывоз хлеба, запрещен его ввоз и т.д.). Если период низких цен оказался эпохой относительного застоя в сельском хозяйстве, то протекционистские меры, направленные на поддержание высоких цен на хлеб, отразились на развитии промышленности, работники которой оплачивали вздорожавшие продукты питания, что сказалось на издержках и прибыли в промышленности.

Только с отменой «хлебных законов» (что явилось результатом деятельности Лиги борьбы с хлебными пошлинами (Anti-Corn-Law-League), объединявшей принципиальных сторонников свободной торговли (free trade) и с установлением свободы привоза хлеба в 1846 и 1849 гг., под влиянием конкуренции (иностранной), начался переход к рациональной системе ведения хозяйства, рассчитанной не на высокие цены продуктов, а на увеличение доходности путем сокращения расходов (интенсивному земледелию).

Импорт и снижение цен на зерно повлекли за собой важные последствия, которые с полным на то основанием заслужили названия «аграрной революции». Наиболее значимыми техническими среди них были: использование механической энергии (именно в этот период началось внедрение машин в сельское хозяйство); улучшение пород животных; рост использования удобрений; улучшение качества семян; развитие специализации в сельском хозяйстве; применение в сельском хозяйстве методов (и результатов) прикладной и экспериментальной науки XIX в.

Совершенствование методов сельскохозяйственного производства вело к высвобождению сельскохозяйственных рабочих и, со временем, эта отрасль экономики перестала быть основным источником рабочих мест для растущего населения. Таковым стала промышленность, где промышленный переворот сделал преобладающей фабричную форму организации производства.

С социально-экономической точки зрения указанные перемены привели также к разорению помещичьих и крестьянских хозяйств традиционного типа. В то же время укрепился слой средних и крупных хозяйств, которые были способны перейти к интенсивному капиталистическому производству. Со временем указанные тенденции получили распространение и на континенте Европы.

Становление аграрных капиталистических институтов на континенте Европы _____

В отличие от Англии, где освобождение крестьян протекало эволюционным путем, во Франции отмена сеньориальных порядков была осуществлено в эпоху революции. Декретом Конвента от 17 июля 1793 г. крестьяне объявлялись собственниками земли, на которой они сидели (т.е. держателями которой были) без внесения каких-либо платежей. Позднее к этому был добавлен запрет взимать фео-

дальные повинности. Однако английский вариант капиталистической аграрной эволюции был воспроизведен лишь на севере Франции.

На большей же части территории Европы господствовало мелкое крестьянское землевладение с характерным для него формированием «капиталистов» из межкрестьянских отношений, в результате экономического расслоения (дифференциации) производителей. Различия заключались в большей и меньшей степени экономической самостоятельности таких крестьянских хозяйств: от максимальной экономической мобильности до «собственности в пределах сеньории». Капиталистическая эволюция аграрных порядков на Востоке Европы характеризовалась не только значительным отставанием от общеевропейских процессов. Превращаясь в полных собственников, с отменой барщины и повинностей, крестьяне отдавали треть или половину своих участков бывшему землевладельцу. Последние могли также приобретать землю, которая должна была стать собственностью крестьян. Крестьяне при этом лишались земли, превращались в батраков: шло формирование крупных помещичьих (юнкерских) имений, использующих в широких масштабах наемный труд последних. Такой механизм получил название «прусского пути» развития капитализма в сельском хозяйстве.

Аграрные преобразования XVIII–XIX вв. коснулись и общинных форм землевладения и землепользования. Пути перераспределения общинного земельного фонда в отдельных странах континентальной Европы были различны, но смысл этого процесса сводился к общей для всех стран тенденции к захвату и переделу общинных земель как «новыми» буржуазными собственниками, так и «старыми» феодальными, с целью увеличения полезной площади интенсивного земледелия. Во Франции, например, общинные земли, которые первоначально предполагалось распределить в частную собственность (поголовный раздел), в большей своей части сохранились в собственности общин в силу отсутствия механизма их раздела. Противоположная картина наблюдалась в восточ-

ной Германии, где земли подвергались интенсивному разделу. Последний производился по требованию хотя бы одного члена общины, а в случае невозможности осуществления такого раздела практически, использовалась продажа земель с публичных торгов с последующим разделом выручки.

Промышленный переворот

В начале XVIII в. мануфактурное производство вступило в этап своего развития, непосредственно предшествовавший промышленному перевороту. Основной формой по-прежнему оставалась рассеянная (децентрализованная) мануфактура, которая своими экономическими преимуществами способствовала «бегству» ряда производств в сельскую местность, развитию новых промышленных районов и городов. Таким путем мануфактура преодолевала ограничения, накладываемые на промышленное развитие привилегиями городских ремесленных корпораций (последние из них были упразднены в Англии только в первой трети XIX в.). Но и сами новые формы организации промышленности воспроизводили «старые» феодальные порядки: из-за недостаточной емкости внутреннего рынка и зависимости от внешней торговли мануфактуры не могли обойтись без покровительства государства, системы исключительных монополий, выдаваемых компаниям скупщиков-предпринимателей и т.п. Однако уже к середине столетия быстрые темпы стал набирать процесс развития предприятий, основанных на принципе свободы предпринимательства, прежде всего, в отраслях, где не существовало средневековых регламентов.

Именно мануфактуры, образовавшиеся в ранее не существовавших отраслях промышленности, стали в XVIII в. своеобразным «полигоном», где использовались технические новшества, вносившие изменения в эмпирически найденные и закреплённые традицией формы разделения труда. Однако, поскольку в Англии шерстяная промышленность оставалась

господствующей отраслью мануфактуры, именно в ней была проделана большая часть экспериментов, результаты которых были использованы позднее в других отраслях текстильной промышленности, особенно в хлопчатобумажном производстве — ставшем главной ареной промышленного переворота.

Разделение в мануфактуре процесса изготовления продукта на ряд отдельных производственных операций явилось предпосылкой для создания инструментов, а позднее и простых рабочих машин, осуществлявших эти операции. Если техническое строение мануфактуры основывалось на сочетании частичного рабочего и частичного инструмента, ее двигательная сила представляла в виде суммы мускульных сил таких рабочих, а связь операций осуществлялась через организационное объединение их, то техническое единство механического производства, т.е. фабрики обеспечило взаимодействие двигательной машины, передаточного устройства и рабочей машины.

Формирование такого технического единства происходило постепенно. Первым шагом на этом пути стало изобретение рабочих машин:

- 1765 г. — прядильной машины «Дженни» Харгривса;
- 1767 г. — ватерной прядильной машины Р. Аркрайта;
- 1785–92 гг. — механического ткацкого станка Э. Картрайта.

Уже машина Аркрайта изначально была приспособлена к эксплуатации в связке с механическим двигателем — водяным колесом, что создало условия для эксплуатации системы машин, возможной только в специальных производственных помещениях: первая прядильная фабрика была построена Аркрайтом в 1769 г. (английское слово «mill» обозначает одновременно и мельницу и фабрику, так как применявшиеся на последних водяные двигатели напоминали мельницы).

По мере увеличения числа машин все более актуальным становился вопрос о двигательной силе (помимо воды использовался тягловый скот и сила ветра). Выход был найден

с изобретением «паровой мельницы», т.е. двигателя, использовавшегося силу пара — паровой машины (1769–1782) Дж. Уатта. И хотя ткацкий станок Э. Картрайта изначально был приспособлен к работе с паровым двигателем, именно прядильные фабриканты, представлявшие самую мобильную часть английских предпринимателей, первыми внедрили в производство паровую машину — такая фабрика была построена в 1784 г.

Если к названным выше изобретениям добавить открытие в 1783 г. нового способа выплавки железа на каменном угле — пудлингования, а в 1798 г. — токарного станка (на принципах которого были впоследствии созданы сверлильный и фрезерный), мы охватим важнейшие изобретения конца XVIII в., составившие этапы промышленного переворота. Последний, пройдя высшую точку, обозначенную внедрением парового двигателя, вступил в первой половине XIX в. в свою завершающую фазу, связанную с созданием принципиально новых видов транспортных средств (первый пароход появился в Англии в 1811 г., паровоз — в 1816 г.) и средств связи (изобретение телеграфа), а в дальнейшем с техническим переоснащением сельского хозяйства, сферы услуг и обращения.

Хронологически завершение промышленного переворота в Англии, Франции и Бельгии произошло в первой половине XIX в., а в других странах Западной и Центральной Европы — в последней трети столетия.

Фабричная организация

Вполне сопоставимым по своей значимости с чередой технических изобретений институциональным сдвигом эпохи промышленного переворота было широкое распространение фабричной организации производства, вытеснявшей раннекапиталистическую форму организации — мануфактуру и докапиталистическую — ремесло.

Фабрика — это специализированная производственная единица, использующая машины с единым источником энергии и четкое разделение труда. Помещения фабрики, технологическое оборудование, сырье и готовая продукция принадлежат капиталисту-предпринимателю, который сам или через наемных агентов (менеджеров) осуществляет контроль над непосредственным процессом труда рабочих, сконцентрированных в этих помещениях и производящих обработку сырья за денежную заработную плату.

В период промышленного переворота, как организатором, так и собственником промышленного предприятия оставался преимущественно индивидуальный предприниматель, владевший зданием фабрики, паровыми двигателями, передаточными устройствами и станками. Поскольку технические знания и навыки управления приобретались все еще опытным путем, предприниматель с помощью минимального числа служащих выполнял функции организации и управления производством. Он уже не имел навыков выполнения специализированных производственных операций, а работники, не располагавшие средствами для приобретения орудий труда, были отстранены от управления и решения коммерческих и финансовых вопросов, ставших исключительной прерогативой хозяина. Следствием этого стала поляризация экономических функций и интересов на предприятии: предпринимателю противостояла «армия» наемных работников.

Последние десятилетия XVIII в. были кратковременным (в Англии) периодом формально свободного рабочего договора (с предпринимателем), от которого уже в первой половине XIX в. был совершен переход к фабричному законодательству, регламентировавшему взаимоотношения труда и капитала. Наиболее отчетливо этот переход проявился в области законодательного ограничения детского и женского труда. Во второй половине XIX в. законодательство по охране труда вышло за рамки отдельной фабрики и было распространено на все отрасли промышленности. На континенте Европы

первые шаги в области фабричного законодательства относятся к середине XIX столетия.

Фабричная организация производства не представляла собой монополии Англии: ее становление происходило и на континенте Европы, хотя и в более медленном темпе. Особенность Англии заключалась в том, что индустриализация экономики, включающая техническую и социально-экономическую составляющие, шла здесь гораздо быстрее и в более чистых, отчетливых формах. До середины XIX в. применение машин на континенте было незначительно, а стало быть, фабричная система не занимала ведущего положения среди прочих форм организации.

В результате промышленного переворота и последовавшего за ним экономического подъема Англия превратилась в ведущую индустриальную державу мира. Фабричная же система производства стала к концу рассматриваемого периода господствующей в большей части промышленности Западной Европы.

Основные историко-экономические подходы

ФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ К. МАРКСА

К. Маркс предложил одну из теорий изменений — «формационную», которая до сегодняшнего дня востребована исторической наукой. Развитие от древнего к античному, затем средневековому (феодальному) обществу, капитализму и коммунизму в соответствии с этой теорией осуществляется не под влиянием господствующих идей, а становится неизбежным следствием изменения материальных условий жизни людей — складывающегося на каждом этапе взаимодействия между производительными силами и производственными отношениями.

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих

производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменениями экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке» (Маркс К.).

Под производительными силами в теории Маркса понимаются прежде всего наличные природные ресурсы, средства производства, а также сами работающие люди (рабочая сила). Будучи движущими силами общественного развития, они воздействуют на производственные отношения, т.е. на отношения между людьми в процессах производства материальных благ, их распределения, обмена и потребления. Характер производственных отношений складывается прежде всего под влиянием отношений собственности на средства производства, определяющих качество всех человеческих отношений в обществе. Вследствие непрерывного развития производительных сил (которое, считал Маркс, осуществляется как естественноисторический процесс в результате технических и организационных их усовершенствований) неизбежно возникает противоречие между ними и производственными отношениями, которое разрешается в результате социальной революции, меняющей экономической базис общества, а, следовательно, и форму организации человеческого общества в целом — общественную формацию.

Маркс, таким образом, формулирует фактически объективный общеисторический закон соответствия характера производственных (экономических) отношений уровню развития производительных сил.

К. Маркс рассматривал закономерности экономического развития с позиций взаимодействия интересов классов, занимающих противоположное положение в общественном производстве. Поэтому его последователи (главным образом, историки-марксисты советской эпохи) перенесли акцент в

изучении социального механизма развития экономики на классовое противостояние, в основе которого лежит противоположность классовых интересов в области отношений собственности на средства производства, и соответственно в сфере политической власти. Переход от одной формации к другой, по их мнению, происходит тогда, когда классы предают нового способа производства захватывают власть революционным путем и устанавливают социальные, культурные и политические институты, соответствующие этому новому типу производства. Как следствие, неумолимый прогресс породил рабовладельческий способ производства (формацию) во времена Античности, феодальный — в период Средневековья, капиталистический — в период новой истории, а коммунистический — в новейшую историю, начало которой датировалось Великой октябрьской социалистической революцией. Всего было выделено пять последовательно сменявших друг друга формаций — ступеней прогрессивного развития человеческого общества: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая.

«Из числа противоречий, движущих развитие всех формаций, марксизм выделяет те особые, антагонистические противоречия, которые характеризуют экономическую структуру классовых обществ. В основе антагонистических формаций лежит разделение общества на классы, отличающиеся друг от друга своим отношением к средствам производства. Определенная форма частной собственности на основные средства производства (собственность рабовладельческая, феодальная, буржуазная) и способ производства, при котором класс непосредственных производителей лишен этой собственности на решающие средства производства (рабочие, крепостные, крестьяне, работающие на земле помещика), или самая личность производителя превращены в собственность господствующего класса (рабы), — эти черты классовых формаций влекут за собой определенную форму классовой эксплуатации, т.е. форму получения эксплуатирующим классом неоплаченного труда непосредственных производителей...»

Уровень производительных сил, их диалектическое противоречие с производственными отношениями и взаимодействие в их развитии остается таким образом основным критерием и отправным пунктом в исследовании любой антагонистической общественно-экономической формации. Но противоречия, присущие этим способам производства, являются в то же время антагонистическими классовыми противоречиями. Вот почему учение Маркса — Ленина о классовой борьбе как движущей силе, зако-

не развития этих формаций сыграло решающую роль в выработке понятия общественно-экономической формации. Социальный организм любого классового общества таким образом отличен от тех представлений о социальных организмах, которые проповедует буржуазная органическая школа социологии. Это — общественный организм основанный не на сотрудничестве и примирении классов, как у идеологов органической школы, но на их противоречиях, на их классовой борьбе» (БСЭ ... Ст. 199–200).

Формационная модель господствовала в советском обществоведении около 70 лет. Она выступала не только в качестве теории изучения общества, но и в качестве идеологии, что привело к ее догматизации: разработанная Марксом теория была превращена в непогрешимую догму — стала предметом веры, что, в свою очередь, обусловило не просто вульгаризацию, но и прямую фальсификацию идей ученого.

Между тем, во всем мире марксизм в целом и формационная теория в частности оставались значимым интеллектуальным ресурсом, признавались наиболее последовательной теорией эволюции общества, оказывающей влияние на построения историков. Большую роль в деле «преодоления догмы», восстановления собственно марковского подхода к теории общественных формаций сыграли «неомарксисты», как зарубежные, так и отечественные. Именно идеи К. Маркса во многом предопределили направление поисков теорий, интерпретирующих историю. Таковые создавались не только «неомарксистами», но и «антимарксистами» (часто в ответ Марксу). Но и последние (по крайней мере, большинство из них) были солидарны со своим оппонентом в утверждении, что человеческое поведение всегда было движимо материальными силами.

Источники

- ✓ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13.
- ✓ Формация общественно-экономическая // БСЭ / гл. ред. О.Ю. Шмидт. М., 1936. Т. 58.

Институт публичной корпорации _____

Технологические и организационные инновации эпохи промышленного переворота благоприятствовали увеличению размеров предприятий. В большинстве европейских стран шел процесс расширения производственных мощностей

тей и внедрения новых технологий, что привело к значительному увеличению масштабов отдельных заводов и фабрик. Как результат, стало складываться представление, что крупные предприятия эффективнее малых, благодаря экономии от масштабов производства (это справедливо при условии, что экономия от расширения производства превышает дополнительные издержки от увеличения организации).

Важнейшими факторами, сдерживавшим расширение производства были, во-первых, незначительность размеров индивидуальных капиталов, находившихся в распоряжении их владельцев, а во-вторых, условия свободной рыночной конкуренции. Привлечение дополнительных капиталовложений неизбежно сопровождалось ростом накладных расходов по обслуживанию взятого займа капитала. Конкуренция же вынуждала предпринимателей постоянно снижать цены выпускаемой продукции. Таким образом, принцип свободной конкуренции вступил в противоречие с принципом крупномасштабного производства.

Эмпирический поиск путей разрешения этого противоречия шел в полном соответствии с принципами свободной конкуренции: право на свободу заключения договоров использовалось для того, чтобы устранить конкуренцию и ограничить свободу других участников рынка. Первоначально устранение конкуренции достигалась путем создания неформальных сообществ, основанных на соглашениях не снижать цены на выпускаемую продукцию, или достижения договоренности о взаимном сокращении объемов производства для удержания постоянных цен — создания пулов (от англ. pool — общий котел, складчина). Этот путь оказался неэффективным, главным образом потому, что возникавшие в результате формы организации расценивались законодательством как монополии и считались незаконными. Однако они открыли дорогу созданию трестов, осуществлению вертикальной и горизонтальной интеграции предприятий.

Трест (от англ. trust — доверие) стал новым способом применения давно известного института опеки, т.е. пору-

чения кому-либо управлять чужим имуществом. Широкое распространение трестов было всего лишь промежуточной ступенью на пути к возникновению публичных корпораций, необходимость которой была вызвана:

- невозможностью создания акционерных обществ как чисто хозяйственных образований без получения на то государственных полномочий;

- изысканием способа достижения экономии от масштабов производства;

- решением задачи привлечения капиталов.

С начала XIX в. в экономике западных стран корпоративная форма предприятия широко использовалась только железнодорожными компаниями, предприятиями по строительству и эксплуатации мостов, каналов, шоссейных дорог, а также действовавшими в сфере коммунальных услуг. Отличительной чертой было наличие у них правительственных полномочий, что делало их похожими на привилегированные торговые компании, создававшиеся указами европейских правительств в XVII–XVIII вв.

Распространение трестов создало предпосылки для возникновения акционерных организаций в промышленности. Тресты привлекали капиталы, размещая на фондовых рынках свои сертификаты, которые считались некотируемыми ценными бумагами из-за неопределенного правового статуса трестов. Историко-экономическая наука считает, что история рынка акций промышленных предприятий начинается именно с обращения этих ценных бумаг.

С середины XIX в. стали возникать условия для того, чтобы группы людей, объединившиеся для достижения хозяйственных целей, могли получить статус юридического лица без специального разрешения государства в результате простой регистрации. Эволюцию, которую претерпело законодательство, наглядно иллюстрирует создание холдинговых (от англ. holding — держание) компаний — корпораций, владеющих сертификатами (акциями) предприятий, образующих трест и управляющих их капиталом. Дальнейшая либерали-

зация законодательства привела к преобразованию и самих трестов в корпорации.

Как результат, к исходу XIX в. получили широкое распространение производственные предприятия, принадлежащие большим группам людей действующим через своих представителей, как правило, наемных работников — менеджеров (от англ. *manag* — управлять). Рынки ценных бумаг стали доступными для промышленных корпораций, что повысило привлекательность корпоративной формы организации производства: акции предприятий легко продавались по установившемуся на фондовой бирже курсу, вследствие чего их владельцы не были привязаны к одному конкретному предприятию. Акции, как утверждает экономическая наука, преобразовали долгосрочный риск собственника в краткосрочный риск инвестора. Публичная корпорация к началу XX в. стала широко распространенным институтом, позволявшим существовать крупным предприятиям в капиталоемких отраслях промышленности.

Вертикально-интегрированная менеджерская корпорация стала формой организации, позволившей промышленности достаточно легко воспринять достижения второй промышленной революции.

Историко-экономическая наука называет «вторым технологическим (промышленным) переворотом» изобретение и последующее внедрение в конце XIX в. новых видов двигателей — электромотора и двигателя внутреннего сгорания. С их внедрением существенные изменения претерпел технический облик фабрики и ее производственный процесс. Как отмечалось ранее, при использовании парового двигателя фабрика представляла собой единство двигателя, передаточного устройства и рабочей машины. С началом эксплуатации новых двигателей из этой цепочки изымается передаточный механизм, а первичный источник энергии пространственно отделяется от электромотора. Это делает излишней рабочую силу, обслуживающую двигатель и передаточное устрой-

тво, и создает технологические предпосылки для возникновения мелкого механизированного капиталистического производства и даже возрождения семейного и индивидуального предпринимательства.

В зависимости от рыночных и технологических условий производство либо концентрировалось на одном крупном предприятии, либо рассредоточивалось по нескольким мелким. В свою очередь, децентрализация производства обусловила необходимость перемен в организации промышленного производства, появления в XX в. новых экономических институтов.

Свободная торговля

Развитие капиталистических институтов даже в национальном масштабе было бы невысказимо без реализации сложного комплекса социально-экономических преобразований. На первом месте среди них стояла борьба с цеховым строем, с монополиями и привилегиями, с вмешательством в промышленную и торговую жизнь. Уже с начала XVIII в. в Англии перестали действовать исключительные привилегии в области производства и торговли внутри страны. Производителям была предоставлена возможность создавать и продавать товары в любое время и по любой цене первоначально во вновь возникших отраслях производства, а в дальнейшем и в традиционных видах деятельности (ремесленном производстве). Во Франции на практике реализовались идеи, выраженные в лозунге «laissez faire, laissez passer» (позволяйте делать (кто что хочет), позволяйте идти (кто куда хочет): устанавливалась свобода торговли внутри страны; отменялась цеховая монополия; предоставлялась возможность каждому заниматься любым промыслом.

Постепенное упразднение этих ограничений закладывало основы экономической свободы: свободы производства, свободы торговли, свободы договора, передвижения и из-

брания занятий; обозначало переход к капитализму свободной конкуренции.

Быстрое развитие фабричного производства не могло не сказаться на положении внутреннего рынка — его рамки оказались слишком узкими, чтобы полностью поглотить лавинообразный поток продукции (прежде всего, хлопчатобумажных тканей и изделий из железа). Поэтому в последней четверти XVIII в. все большее значение начинает приобретать вывоз товаров на внешние рынки, главным образом, колониальные. Фактически до начала XIX в. рост объемов промышленного производства был обусловлен реакцией производителей на спрос, формировавшийся путем открытия новых каналов торговли, рынков. Впоследствии же, напротив, рост торговли стимулировался спросом промышленных предприятий на сырье и их потребностью в новых рынках сбыта своей продукции.

Начиная с третьего десятилетия XIX в., Англия приступила к коренному изменению своей торговой политики. Последовал целый ряд тарифных реформ (выше мы приводили в качестве примера отмену «хлебных» законов), которые привели к практически полному устранению покровительственных пошлин, к установлению свободной торговли во второй половине столетия. Однако, несмотря на повсеместное ослабление протекционизма (под влиянием примера Англии), уже в последней четверти века обозначился новый поворот в сторону последнего в его, будь то аграрном, или промышленном варианте.

Институты денежно-кредитного рынка _____

Период конца XVIII—первой четверти XIX вв. в области денежного обращения историко-экономическая наука рассматривает как период экспериментов с бумажными деньгами: государственными ассигнациями, как это было в странах континентальной Европы (Франции, Австрии, России)

или частными — банкнотами Английского банка и провинциальных банкиров.

Выпуск государственных бумажных денег — ассигнаций (от лат. *assignatio* — назначение) рассматривался фактически в качестве нового источника государственных доходов. Первоначально (во Франции, например, до 1790 г.) ассигнации не являлись законным средством платежа, а были лишь обеспеченными национальным богатством краткосрочными процентными государственными облигациями. В случае признания правительством бумажных денег неразменными (т.е. при нарушении обязательства обменивать ассигнации на золотую монету по их номинальной стоимости), появлялась возможность за счет увеличения эмиссии покрывать растущие государственные расходы. Крах ассигнационного режима во Франции на самом исходе XVIII в. привел к восстановлению обычных денег, учреждению Банка Франции как эмиссионного центра этой страны. Как результат, в середине XIX в. Франция стала страной с полностью централизованной, монопольной банковской системой с одним эмиссионным институтом.

В Англии же выпуск банкнот опирался на частный кредит. Как Английский банк, так и провинциальные банки стали фактически «монетными дворами». Деньги возникали в результате представления кредитов банками и исчезали в процессе возвращения полученных кредитов банкам. С колебаниями объемов банковских кредитов изменялась и денежная масса. Такой порядок «возникновения» денег способствовал процессу индустриализации, однако был одновременно причиной нестабильности денег, существования тенденций к инфляционному росту и дефляционному уменьшению денежной массы.

Именно потрясения, которые испытал денежный рынок Англии в период кризисов 1825, 1836 и 1839 гг. обусловили наделение исключительным правом выпуска банкнот Английского банка, что сделано его фактически государственным учреждением, тем более что правительство при-

знало его билеты универсальным законным платежным средством. Прочие же банки были вынуждены размещать в нем свои наличные средства, что фактически создавало «единый резервный фонд» страны и превращало Английский банк в «банк банков». Как следствие, Английский банк стал рассматриваться в качестве регулирующего института, занимающего особое ответственное место в денежной и кредитной системах государства. Именно банковская система Англии стала моделью для других стран, которые также сделали выбор в пользу государственного контроля за эмиссией банкнот.

Одним из следствий денежных кризисов стало отделение кредитных операций от создания денег. Депозитные (от лат. *depositum* — вещь, отданная на хранение) банки, лишённые права эмиссии банкнот и державшие наличность в Английском банке, привлекали свободные средства в качестве вкладов и снабжали ими развивающуюся быстрыми темпами промышленность, т.е. функционировали в области коммерческого кредита. В середине XIX в. развитие кредита вступает в период учреждения и развития банков «движимого кредита», целью которых было финансирование промышленных и железнодорожных предприятий, проведение активных банковских операций. Следует, однако, подчеркнуть, что связи банков с промышленностью были весьма ограниченными: они осуществляли, как правило, лишь краткосрочное кредитование предприятий под залог товаров, материальных ценностей или ценных бумаг, а также хранили на текущих счетах свободные денежные средства предприятий. Причина крылась в специфике формирования пассивов банков: в них преобладали депозиты до востребования, т.е. средства, которые было невозможно предоставлять на длительные сроки.

И все же именно коммерческие банки доминировали среди финансовых институтов до начала XX века, когда к ним присоединятся и потеснят на рынке капиталов страховые компании, инвестиционные тресты, холдинги и т.д.

Вплоть до реформы 1861 г. хозяйственное развитие России всецело определялось крепостничеством. В XVIII веке, когда в одних странах Западной Европы институт крепостничества сохранился лишь в виде пережитков, а в других находился в стадии упразднения, в России он достиг апогея в своем развитии. При этом, фактическое положение крестьян было различным: барщинные и оброчные помещичьи крестьяне, государственные крестьяне, а также крестьяне удельные, т.е. числившиеся за царской фамилией. Развитие денежных институтов, рост внутреннего рынка в XVI–XVIII вв. мало способствовали переводу крестьян с барщины на оброк, смягчению форм крепостной зависимости, ликвидации института крепостничества путем частных договоров помещиков с крестьянами (как это было в ряде государств Западной Европы). Напротив, именно помещичьи хозяйства, основанные на барщинном труде, лежали в основе русского рыночного хозяйства: только крупным хозяйствам было экономически выгодно производство продукции для доставки на немногочисленные внутренние и внешние рынки. Поэтому, подобно Пруссии, Австрии, Дании, где также широкое распространение получило крупное барщинное хозяйство, ликвидация крепостных порядков в России произошла посредством единовременного законодательного акта.

Ликвидации института крепостничества предшествовало изменение положения государственных крестьян (русское крестьянство распалось на две группы — государственных и владельческих). К середине XIX в. они уже могли наследовать, покупать землю и вступать по ее поводу в договорные отношения.

Актом 19 февраля 1861 г. был начат переход к установлению в области аграрных институтов полной безусловной и бессословной земельной собственности. Крестьяне и помещики противостояли друг другу, как люди в своей хозяйственной деятельности независимые. Однако, полностью унич-

тожив юридическую зависимость крестьян от помещиков, реформа не сделала первых свободными людьми. Ликвидация крепостного права не стала ликвидацией сословного строя: крестьянство по-прежнему представляло собой низшее, податное сословие. Утверждение института круговой поруки и власти мира (общины) над его членами, с целью гарантировать исполнение крестьянами их повинностей, привело к утверждению общинного землевладения.

Земля, отошедшая бывшим крепостным, стала собственностью не отдельных семейных домохозяйств, а крестьянских общин, получивших статус юридических лиц. Манифест формально предусматривал возможность выхода из общины и создания самостоятельного семейного хозяйства, однако, на практике воспользовались этой возможностью немногие. Крестьяне не стали собственниками земли как главного условия сельскохозяйственного производства: крестьянская община строилась на сочетании общественного владения землей и индивидуального ведения хозяйства. Право владения землей было коллективным, а право пользования и присвоения результата труда — индивидуальным.

Если до реформы помещичье хозяйство являлось важнейшим производственным институтом экономики России, то после нее основой хозяйственной жизни становится хозяйство крестьянское. Общинное же землевладение, с присущими ему переделами земли, не обеспечивавшее крестьянам права длительного пользования своими участками, вело к застою крестьянского хозяйства, аграрному кризису конца XIX столетия.

Господство института крепостничества в пределах рассматриваемого периода наложило отпечаток и на развитие русской промышленности. Сельское ремесло, существовавшее в мелких семейных производственных единицах и долгое время доминировавшее в экономике, в XVIII в. стало уступать место промышленности крупной. Насаждению последней служили привилегии и монополии, одной из форм которых было разрешение покупки и приписки крестьян к «фабри-

кам» и «заводам». В результате возник особый вид «целевых имуществ», представленных государством отдельным лицам, как промышленным предпринимателям, на особом ограниченном, так называемом «посессионном праве». Мануфактура с посессионными рабочими (т.е. с лично зависимой рабочей силой) была доминирующим промышленным институтом в XVIII в. Активно заимствовавшиеся на Западе промышленные и торговые институты были, таким образом, фактически теми же поместьями, которые значительно отличались от предприятий основанных на частной собственности.

Лишь одновременно с возникновением института частной дворянской земельной собственности стали появляться находившиеся в частном владении промышленные предприятия.

Аналогичная ситуация складывалась и с кредитно-денежными институтами. Фактически все кредитные операции составляли монополию государственных институтов: Дворянский банк предоставлял ипотечные кредиты помещикам, а Коммерческий — выдавал государственные кредиты купечеству. Только в 1860-е годы стали возникать коммерческие банки. Переход в 1897 г. к золотому стандарту стимулировал рост капитальных вложений (в т.ч. иностранных), который, в свою очередь, обусловил темпы роста промышленного производства, оценивавшиеся как самые высокие в мире.

Ключевые понятия темы

«Аграрная революция»; ассигнация; банк движимого кредита; «вторая промышленная революция»; депозитный банк; «единый резервный фонд»; интенсивное земледелие; классы; коммерческий кредит; круговая порука; общественная формация; «парламентские» огораживания; посессионная мануфактура; принцип свободной конкуренции; принцип крупномасштабного производства; производительные силы; производственные отношения; промышленный переворот; протекционизм; прусский путь развития капитализма; публичная корпорация; пул; рациональная система ведения хозяйства; рынок труда; свободная конкуренция; свободная торговля; социальной революции; трест; фабричная организация; фабричное законодательство; формацион-

ная теория; «хлебные законы»; экономическое расслоение производителей; «laissez faire, laissez passer».

Вопросы для обсуждения и проверки

1. Какие изменения в экономике Англии XIX в. получили название «аграрная революция»?
2. Назовите особенности становления аграрных капиталистических институтов в странах континентальной Европы.
3. Что представляет собой «пруссский путь» развития капитализма в сельском хозяйстве?
4. Назовите основные предпосылки и технические инновации промышленного переворота.
5. Как изменилась организация промышленного производства в результате промышленного переворота?
6. Ответом на какую институциональную потребность стало появление на исходе XIX в. публичной корпорации?
7. Что представляет собой институт публичной корпорации?
8. Каково содержание формационной теории экономического развития К. Маркса?
9. К чему привели эксперименты с бумажными деньгами в конце XVIII–первой четверти XIX вв.?
10. Почему банковская система Англии стала моделью для других стран?
11. Каким путем происходило упразднение института крепостничества в России?
12. Кто стал фактическим собственником земли в результате реформы 1861 г. в России?

Читаем учебники

- ✓ История экономики: учеб. / под общ. ред. О.Д. Кузнецовой, И.Н. Шапкина. 2-е изд. М., 2005 (Главы 5, 6).
- ✓ Коногопов М.В., Сметанин С.И. История экономики зарубежных стран: учеб. для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2006 (Раздел IV, главы 7, 12).
- ✓ Розенберг Н., Бирдцелл Л.Е. Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира / пер. с англ. Новосибирск, 1995 (Глава 5).
- ✓ От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с 15 века до 1980-х гг. / пер с голл. М., 1998 (Глава 6).
- ✓ Гусейнов Р. История экономики России: учеб. пособие. Новосибирск, 1998 (Глава V).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Изложение в пособии доведено нами до начала XX века. Отказываясь от изложения новейшей истории экономики, мы руководствовались несколькими соображениями.

В истории действует хорошо известный «эффект аберации» — преувеличения значимости ближайших к нам событий и, соответственно, преуменьшение важности тех, что удалены от нас на значительное временное расстояние. Хотя для понимания, например, процессов, происходивших в аграрном секторе экономики России в первой трети XX вв., много важнее знать уходящую в глубь веков историю общинных институтов, нежели последовательность событий «стольпинской аграрной реформы», «коллективизации» и т.д.

История XX века насыщена политическими событиями, войнами, революциями, оказавшими решающее влияние на ход экономического развития, в силу чего история (как наука) этой эпохи в значительной мере политизирована и «событийна», полна «политико-экономических экспериментов» европейских государств. Разделы большинства учебных изданий, посвященные новейшей истории экономики, скорее излагают историю экономической политики, нежели анализируют содержание хозяйственных процессов эпохи. Новейшую историю экономики (и, прежде всего России) еще только предстоит, на наш взгляд, осмыслить науке. Хотя две наиболее удачные попытки сделать это, ставшие доступными отечественному читателю в последние годы, заслуживают не только упоминания, но и рекомендации для последующего чтения и внимательного изучения. Это книги немецкого историка-экономиста В. Фишера «Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980» (М., 1999) и его бельгийского коллеги Г. Ван дер Вее «История мировой экономики. 1945–1990» (М., 1994).

И, наконец, многие сюжеты недавней истории экономики читатель легко обнаружит в виде иллюстраций к большинству разделов учебников по экономической теории. И неоклассические, и неокейнсианские модели чаще демонстрируются на примерах, взятых из истории XX века, что впрочем, неудивительно, поскольку сами они порождены этим столетием.

Учебное издание

Майдачевский Дмитрий Ярославович

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ
От эпохи палеолита до XX века

Учебное пособие

2-е изд., перераб. и доп.

Издается в авторской редакции

Дизайн обложки и подготовка оригинал-макета
Т.А. Лоскутовой

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 06.02.08. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 8,5. Тираж 250 экз. Заказ 3846.

Издательство Байкальского государственного университета
экономики и права.

664003, Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП.